

Мия Стоун

СЕРДЦА
ЖЕЛЕЗНОГО
ДЕРЕВА

18+

Мия Стоун

Сердца железного дерева

«Автор»

2026

Стоун М.

Сердца железного дерева / М. Стоун — «Автор», 2026

Выгоревшая дотла в Сиэтле, художница Эмбер Ривз бежит в замерзшую Монтану, надеясь найти тишину для детской книги. Но её сломанный «Форд» застревает на глухом ранчо «Железное дерево». Его хозяин Коул Мэдисон — суровый фермер, живущий по законам кузнечного цеха, где выживают лишь те, кто тверже камня. В сорокаградусном абсолюте зимы, среди диких холмов и колючей проволоки, Эмбер предстоит пройти через внутреннее горнило, чтобы навсегда переписать свой код, залечить прошлые травмы и обрести суверенную территорию свободы. Счастливый финал гарантирован.

© Стоун М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Айронвуд	5
Глава 1 Коул	7
Эмбер	9
Коул	11
Глава 2 Эмбер	13
Глава 3 Коул	17
Глава 4 Эмбер	21
Коул	23
Глава 5 Коул	25
Эмбер	27
Коул	30
Глава 6 Эмбер	32
Коул	35
Глава 7 Эмбер	37
Коул	39
Эмбер	41
Коул	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Мия Стоун

Сердца железного дерева

Пролог. Айронвуд

Оно не подчиняется общим законам лесного ремесла. Настоящий монтанский айронвуд — железное дерево нижнего прижима — не умеет плавать. Если бросить обрубок такого столба в серую полыню реки Мэдисон, он не закачается на волнах, а уйдет во тьму мгновенно, со свинцовым, беззвучным всплеском, как кусок обточенного обрыва. Лопасты дисковых пил в мастерских Бозмена вязнут и ломаются о его кремниевые волокна, оставляя на изломе лишь темный, пахнущий паленой костью след и сноп коротких багровых искр. Говорят, его сердцевины не имеет годовых колец в их привычном, радиальном понимании — там застыл монолитный, антрацитовый контур, вобравший в себя углерод и мороз за сто лет до того, как в долину спустились первые пастушьи общины.

Силас Мэдисон вбил эти анкерные опоры по периметру нижнего выгона в год большой засухи, когда глина Абсароки растрескалась до костяной глубины. Он не искал легких маршрутов и ровных линий. Он вгрызался кузнечным ломом в скальную породу, сантиметр за сантиметром отвоевывая место под суверенный рубеж. Железное дерево вошло в каменные гнезда без клея и анкерных болтов — его просто заклинило там тектоническим смещением плит. С тех пор изгородь перестала быть просто обозначением собственности; она превратилась в физический интерфейс между хаосом горной гряды и обитаемым зазором усадьбы. Каждое бревно здесь удерживает натяг стомильной стальной проволоки так, словно под землей они соединены в единую, замкнутую на себя кабельную систему.

Полярные циклоны не способны расколоть этот материал — они лишь доводят до блеска его фасад. Век за веком стужа вымораживает из айронвуда остатки органической влаги, превращая древесный сок в стеклянный, алмазный кристалл. В сорок градусов ниже нуля, когда тополя у ручья растрескиваются с пушечной громкостью, железные столбы Силаса хранят утробное, абсолютное безмолвие. Они не сжимаются и не издают ни единого звука деформации. Они аккумулируют холод внутри своего периметра, покрываясь тонкой коркой игольчатого инея, сквозь которую отчетливо проступает маслянистая, дегтярная чернота сердцевины. Внешняя среда вокруг них может ходить ходуном от весеннего паводка или промерзнуть на два ярда вглубь, но вертикаль опор остается безупречной.

Маленький Коул выучил анатомию этого дерева раньше, чем освоил маркеры отцовского карабина. В семь лет он оставил на угловом костыле ворот первую кожу со своих ладоней, когда попытался на спор перелезть через загон в ноябрьских сумерках. Железное дерево взяло свой налог мгновенно и безжалостно, приварив детские пальцы к обледенелому затылку столба. Тогда Силас не подошел, чтобы помочь. Он стоял на крыльце маточника, окутанный сизым паром от дизель-генератора, и молча наблюдал, как сын учится отделять собственную плоть от чужой плотности через боль и хладнокровие. Коул усвоил этот урок: чтобы удерживать пространство, зафиксированное айронвудом, твоя собственная внутренняя архитектура должна соответствовать его молекулярному весу. Нужно не бороться с давлением фронта, а стать плотнее самого давления.

В долине до сих пор живет старая, редкая легенда, которую передают на дальних заимках. Говорят, что когда этот контур будет окончательно заброшен, когда последний огонь погаснет в горне Мэдисонов, а деревянный маточник разберет на щепки степной буран — эти черные столбы все равно останутся стоять среди гранитных плит. Они вырастут в скалу так глубоко, что их невозможно будет выдернуть даже цепями тяжелых тракторов. Железное дерево не

умеет идти на уступки и биологически не способно к гниению. Оно просто ждет того, чья воля окажется способна выдержать его весомый, неотвратимый натяг, когда вся остальная земля вокруг уступит натиску льда. Легенда не нуждается в словах; она забита прямо в мерзлый грунт, где каждый анкер держит небо над долиной.

Глава 1 Коул

Одиннадцать. Двенадцать. Тринадцать.

Тяжелый обух кувалды опускался на торец столба из железного дерева с коротким, глухим стуком. Вибрация от удара шла вверх по топорщику, пробивала плотную кожу рабочих перчаток, отдавалась в запястьях и привычно застревала где-то в районе застарелой трещины в правом плече. Коул остановился, не выпуская рукоять из ладоней. Опустил орудие бойком в грязь, выдохнул сквозь зубы узкую струю серого пара. Когда он разжал пальцы, чтобы снять перчатку, он почувствовал, как внутренняя сторона ладони примерзла к плотной коже — металл успел охладиться до звона.

Земля у восточного пастбища за три дня дождей превратилась в тяжелое месиво из глины и навоза, а за сегодняшнюю ночь схватилась жесткой, неровной коркой. Столб упрямо шел мимо колеи. Старый забор рухнул еще в среду, когда тридцатиголовый молодняк, напуганный канадским фронтом, попер сквозь гнилую жердевую изгородь на старую просеку. Коул не стал вызывать загонщиков Джейка — у парней и без того хватало возни с прицепами на нижних левадах. Он взял кувалду, ведро пятидюймовых скоб, моток колючей проволоки и уехал на дальнюю границу один. Работа в одиночку имела свой понятный счет. Скоба — четыре удара. Столб — двадцать пять. Если считать вслух или про себя, в голове не оставалось места для постороннего шума.

В брезентовом подсумке на поясе оставалось семнадцать скоб. Коул запустил туда пальцы, перебирая холодный граненый металл. Хватит еще на два пролета, потом придется возвращаться к пикапу за новым ящиком.

Он потянулся к натяжителю, когда со стороны окружного шоссе — узкой полосы разбитого гравия, отделявшей его землю от каньона — донесся посторонний звук. Это был не привычный рокот дизельного «Рэма» и не хрип трактора Бена. Мотор захлебывался. Жестяной, тонкий стук клапанов сменился протяжным, свистящим шипением, а через секунду над верхушками голых ив у дренажной канавы повалил густой, грязно-белый пар.

Коул не шевельнулся. Он стоял, положив ладонь на натянутую проволоку, и смотрел, как на обочине, уткнувшись правым передним колесом в неглубокий кювет, застыл серый, покрытый слоем сухой дорожной пыли седан. Старый «Форд Фокус» с сиэтлскими номерами.

Пар хлестал из-под щелей капота так сильно, что лобовое стекло машины мгновенно заволочло белой пеленой. Водительская дверь открылась не сразу — она зацепила сухой куст полыни, дернулась, а затем распахнулась настежь. Из салона вышла женщина.

Коул нахмурился, не снимая перчаток.

На ней было длинное, явно дорогое пальто цвета мокрого асфальта, совершенно нелепое для этой дороги, и огромный, ядовито-оранжевый шерстяной шарф, который ветер тут же швырнул ей в лицо. Она не закричала, не всплеснула руками, как делали туристы, у которых лопалось колесо на перевале. Она резко, с силой захлопнула дверь пикапа — звук вышел жестяным, дешевым — и быстрыми, злыми шагами направилась к носу машины. На полпути её правая нога по щиколотку ушла в раскисшую от пара глину обочины. Женщина дернула ступней, едва не оставив узкий кожаный ботинок в грязи, глухо и отчетливо выругалась — Коул не расслышал слов, но интонацию ни с чем нельзя было перепутать, — и, даже не вытерев обувь, рванула рычаг капота через радиаторную решетку.

Она пахла городом. Даже отсюда, через тридцать ярдов выжженной заморозками травы, Коул, казалось, уловил этот чужой, сложный запах: едкий сигаретный дым, крепкий застарелый кофе из термоса и резкий, сухой аромат какого-то парфюма, который совершенно не вязался с вонью кипящего антифриза.

Коул молча пошел к ней через пастбище, тяжело впечатывая подошвы рабочих сапог в затвердевшие гребни земли. Он не собирался быть любезным. Ему нужно было забить еще семнадцать скоб до того, как солнце окончательно скроется за Абсарокой, а из-за этой городской аварии его график летел к черту.

Эмбер

Этот кусок железа сдох так же цинично, как и всё остальное в моей жизни за последние полгода.

Я стояла перед раскрытым капотом, задыхаясь от сладковатого, удушливого пара, который вырывался из разорванного патрубка. Пальцы правой руки горели — я умудрилась задеть горячую защелку, когда пыталась зафиксировать металлический упор. На ладони уже наливался багровый пузырь, но боли я почти не чувствовала. Внутри меня горело другое — злая, глухая ярость на этот чертов «Форд», на эту бесконечную, плоскую как доска Монтану и на Марка, который прямо сейчас, наверное, проверял расписание рейсов из Сиэтла, уверенный, что через двое суток я приползу обратно в офис с готовым портфолио для *Abrams*.

«Ты наигралась в независимость, Эмбер», — его ровный, стерильный голос до сих пор зудел в ушах, как комар.

Я полезла в карман пальто, вытащила пачку «Парламента», чиркнула дешевой пластиковой зажигалкой. Огонек сорвало ветром. Я чертыхнулась, повернулась спиной к каньону, закрывая пламя ладонью, и со второй попытки затянулась. Горький, сухой дым немного снял тошноту от запаха горелой пластмассы.

Из тумана, который валил от радиатора, проступил силуэт.

Мужчина шел со стороны поля. Крупный, неоправданно широкий в плечах из-за тяжелой брезентовой куртки, испачканной у подола чем-то серым и засохшим. Его старая фетровая шляпа была сдвинута на самый лоб, скрывая глаза, а в правой руке он небрежно, словно обычную трость, держал массивную кувалду с длинной деревянной ручкой. На поясе у него висел грубый кожаный подсумок, из которого торчали тупые хвосты каких-то железных штырей.

Он остановился в трех шагах от бампера моего «Форда». Не снял шляпу. Не поздоровался. Его лицо, выветренное до кирпичного оттенка, казалось вытесанным из того же камня, что и скалы за его спиной. Челюсть двигалась размеренно — он жевал какую-то соломинку или табак.

— Шланг обртки, — сказал он. Голос был низким, хриплым, словно мужчина долго молчал до этого дня, а теперь нехотя выдавливал слова по одному. — Хомут срезало. Ты гнала его на подъеме в гору, так?

Я сделала еще одну затяжку, не опуская сигареты. Пальцы, испачканные в черной смазке, подрагивали, но я сжала их в кулак, пряча ожог. — Я ехала с разрешенной скоростью.

— Здесь нет разрешенной скорости, — он опустил взгляд ниже, на мои ноги. — Здесь есть дорога, которую размывает каждую осень. А на тебе обувь для похода в ресторан, а не для округа Парк.

Я посмотрела на свои ботинки из тонкой телячьей кожи, которые сейчас наполовину ушли в серую, жирную жижу у края дренажной канавы. Подошва уже напиталась влагой. Пальцы ног уже начинали неметь. Она переступила с ноги на ногу и выпрямилась ещё сильнее.

— Я сама разберусь со своей обувью, — я выбросила недокуренную сигарету прямо под ноги, в грязную воду. — У вас здесь есть эвакуатор? Мне нужен телефон мастерской в Бозмене. Или хотя бы в Мэпл-Ридже.

Мужчина коротко, едва заметно дернул углом рта. Это не было улыбкой. Скорее, сухой констатацией моей полной, абсолютной глупости. — В Мэпл-Ридже один эвакуатор. Старый Джимми вчера уехал в Биллингс за запчастями для трактора. Вернется в понедельник. Если повезет и он не напьется по дороге.

— Прекрасно, — я потеряла лоб, размазывая по коже остатки угольной пыли с капота. — Тогда дайте мне телефон. У меня на этой чертовой равнине нет сети уже последние сорок миль.

— И не будет, — он развернулся корпусом в сторону поля, кивнув головой на восток, где среди серых холмов угадывались крыши каких-то строений и высокий силуэт водонапорной башни. — Ближайший вышка за перевалом. Связь ловит на крыше силосной башни Мэдисонов, если залезть туда в сухую погоду. Сейчас погода не сухая.

Я посмотрела на небо. Оно наливалось тяжелым, свинцовым цветом. От каньона потянул резкий, ледяной ветер, от которого оранжевый шарф снова взвился вверх, ударив меня по лицу шерстяной бахромой. Она провела ладонью по лицу и почувствовала на щеке угольную пыль с капота.

Две недели подготовки.

Увольнение.

Три дня дороги.

И теперь её «Форд» торчал в канаве, а незнакомец с кувалдой смотрел на неё так, словно видел подобное каждую осень.

— Как называется это место? — спросила я, пытаюсь вернуть голосу тот холодный, деловой тон, которым обычно закрывала неудачные контракты в Сиэтле.

— Ранчо «Железное дерево», — ответил он, перехватывая кувалду поудобнее. — А я Коул Мэдисон. Забирай свои шмотки из багажника, садись в пикап. Машину оставишь здесь, за выходные ее никто не тронет — койоты ключи не подберут. Ночью будет минус четыре. Если останешься тут, к утру мне придется вызывать coronera, а у меня забор не доделан.

Коул

Она не стала спорить.

Просто подошла к багажнику и попыталась вытащить чемодан сама.

В ней не было этой глупой, слезливой покорности, но и дурой она не была. Она понимала язык цифр. Минус четыре в Монтане без печки — это просто способ быстро превратиться в кусок мерзлого мяса.

Она подошла к багажнику «Форда», резко дернула крышку. Внутри лежал огромный, обтянутый дорогой серой тканью чемодан на колесиках — совершенно бесполезная штука для наших дорог — и плоский кожаный кофр, в каких городские таскают свои планшеты или чертежи. Она попыталась вытащить чемодан сама, но пальцы сорвались с ручки. Я видел, как на ее ладони белеет свежий, вздувшийся ожог от радиатора.

Я подошел, молча отодвинул её плечом — от нее снова пахло этой сухой, резкой ванилью — и одним рывком выкинул чемодан на траву. Колесики тут же увязли в грязи.

— Кофр не трогай, — быстро, почти зло бросила она, перехватывая ремень кожаной сумки через плечо. — Там бумага.

Я не стал отвечать. Взял чемодан за верхнюю ручку, как обычный тюк с сеном, и пошагал к своему «Шевроле», который стоял у края левады, метрах в пятидесяти назад по колее. Она шла следом, тяжело припадая на левую ногу — обувь на тонкой подошве скользила по замерзшей глине. Дважды я слышал, как ее дыхание сбивалось, но она не просила притормозить или помочь. Шла прямо за мной, упрямо уставившись в спину моей куртки.

Я закинул её чемодан в кузов, прямо на мокрый брезент, которым были укрыты остатки колючей проволоки. Железо глухо звякнуло.

— Садись, — я открыл пассажирскую дверь.

Салон моего «Шевроле» семьдесят девятого года пах так, как должен пахнуть пикап на рабочем ранчо: старой трансмиссионной смазкой, мокрой собачьей шерстью (хотя пса у меня не было уже года два), дешевым табаком со склада в Бозмене и сухой травой. Эмбер залезла в кабину, поджав колени. Ее длинное серое пальто мгновенно собрало всю пыль со старого дерматинового сиденья, но она даже не обратила на это внимания. Откинула голову на стекло, прижала кофр к животу обеими руками.

Я обошел машину, сел за руль. Ключ в замке зажигания повернулся со знакомым, тяжелым скрежетом. Стартер крутанул дважды, прежде чем восьмицилиндровый движок отозвался гулким, неровным рыком. Кабину слегка затрясло.

Мы ехали молча. Она потянулась к ручке окна. Ручка провернулась вхолостую. Со второй попытки тоже. Коул молча перегнулся через неё, щёлкнул старой защёлкой и вернулся за руль. В кабине снова стало тихо.

Колея шла вдоль ручья, мимо того самого разрушенного забора, который я так и не закончил. Я смотрел на дорогу, пересчитывая ямы: первая у сломанной ивы, вторая у поворота к лесопилке, третья — самая глубокая — перед мостом. Мой мозг делал это на автомате, пока пальцы на руле привычно держали люфт в четверть оборота.

Справа от меня сидело существо из другого мира. Она смотрела в боковое окно, где в сумерках проплывали серые холмы Монтаны. Оранжевый шарф на ее шее казался слишком ярким, почти ядовитым на фоне старой, выцветшей панели приборов. Она не пыталась заговорить, не включала радио, не спрашивала, куда мы едем. Только её пальцы — коротко подстриженные ногти, без этого дурацкого городского лака, но чистые — ритмично, в такт ударам подвески, сжимали кожаный край своего кофра.

Я свернул к усадьбе, когда на небе появились первые, жесткие звезды.

Главный дом встретил нас темнотой — Грейс, должно быть, забрала мелкую Роуз и уехала к Джейку на нижнюю ферму. Зато в гостевом домике, который стоял чуть поодаль, под тремя старыми тополями, горел желтый свет на веранде. Джейк успел протопить там печь еще днем, как я и просил перед отъездом на пастбище.

Я заглушил мотор. Руль привычно щелкнул, блокируясь.

— Приехали, — сказал я, не поворачивая головы. — Твой домик тот, что поменьше. Вода в баке над печью, дрова в поленнице у крыльца. Если проголодаешься — в главном доме на кухне есть хлеб и вяленое мясо в кладовой. Дверь не заперта. У нас здесь запирать не принято.

Она повернулась ко мне. В полумраке кабины её зеленые глаза казались совсем темными, почти черными, но в них не было страха. Только усталость — глубокая, выматывающая столичная усталость человека, который бежал так долго, что забыл, зачем начал этот бег.

— Спасибо, Коул, — произнесла она. Голос прозвучал тише, без прежней пиарской жесткости. Она открыла дверь и выбралась наружу, на ходу подхватывая ремень сумки.

Я дождался, пока она дойдет до крыльца гостевого домика и скроется за тяжелой дубовой дверью. Потом вышел, забрал её чемодан из кузова и молча поставил его на верхнюю ступеньку её веранды. Окна домика коротко звякнули от шагов внутри.

Вернувшись в кабину пикапа, я не стал сразу заводить мотор. Сидел в темноте, слушая, как остывает блок цилиндров — металл издавал редкие, чистые щелчки в морозном воздухе прерии.

Я поднял руку, чтобы поправить воротник своей фланелевой рубашки под курткой, и пальцы наткнулись на что-то постороннее. Плотная липучка на манжете левого рукава зацепила тонкую, яркую нить.

Я поднес руку ближе к лобовому стеклу, ловя блеклый свет звезд.

Это была не нить. Один-единственный длинный, жесткий волос медного, почти огненного цвета. Он запутался в черных волокнах синтетической липучки, изогнувшись мелкой спиралью. От него всё еще едва уловимо пахло той самой городской ванилью и едким сигаретным дымом.

Я замер на несколько секунд, глядя на этот яркий маркер чужой жизни на моей рабочей одежде. Мои мозолистые, покрытые старыми шрамами пальцы могли бы смахнуть его одним движением — так я смахивал опилки на лесопилке или сухую хвою после работы в лесу.

Он завёл двигатель. Через милю понял, что волос всё ещё цепляется за манжету. Семнадцать скоб на восточном пастбище так и остались лежать в моем подсумке.

Глава 2 Эмбер

Холод разбудил её задолго до того, как из-за холмов показалось солнце. Он не подкрадывался ползком, а сразу лег на грудь плотным, плоским камнем.

Эмбер открыла глаза. Белесый, полупрозрачный пар тонкими, рваными струйками поднимался от её губ к потолку, сложенному из грубо обтесанных кедровых досок. Маленькая чугунная печка в углу гостевого домика сдохла, судя по всему, еще часа в четыре утра; её темный бок теперь казался просто еще одной тенью в комнате.

Она потянула шерстяное одеяло к самому подбородку. Пальцы под плотной тканью мгновенно наткнулись на знакомую, мягкую текстуру оранжевого шарфа. Вчера вечером она была настолько выжата этой бесконечной дорогой и кипящим мотором, что даже не сняла его — просто сбросила грязные кожаные ботинки прямо у порога и упала на узкую скрипучую кушетку, завернувшись в пальто.

— Потрясающе. Просто курорт «Четыре сезона», Эмбер, — пробормотала она в пустую комнату. Голос прозвучал сипло, сухо и как-то слишком плоско в этой глухой, звенящей тишине.

Она поднялась, преодолевая сопротивление затекших мышц. Половицы под ногами отозвались на её вес высоким, сухим треском — словно дерево за ночь промерзло насквозь и теперь ломалось под каждым шагом. На узком прикроватном столике, прямо рядом с потемневшим экраном разряженного телефона, стояла тяжелая белая кружка со сколотой ручкой. Вчера перед сном Эмбер набрала в неё воды из механической помпы на веранде, а сейчас на поверхности застыла тонкая, прозрачная корочка льда. Она коснулась её кончиком пальца. Лед поддался с коротким, стеклянным кликом. Эмбер оставила кружку на самом краю стола, так и не сделав ни одного глотка. Забыла про нее через секунду.

Пальцы рук гнулись с трудом. Правая ладонь горела — вчерашний ожог от крышки радиатора превратился в тугую, водянистую пузыря величиной с двухцентовую монету. Кожа вокруг него натянулась и потемнела. Натягивать ботинки было пыткой: за ночь сырая телячья кожа затвердела, превратившись в два жестких, неподатливых слепка, которые напрочь отказывались пускать внутрь стопу.

Когда Эмбер толкнула тяжелую входную дверь, утренний свет ударил в лицо, как чистая ледяная вода. В Монтане не было городского, постепенного рассвета, к которому она привыкла в Сиэтле, когда солнце долго и нудно пробивается сквозь слои тумана и автомобильного смога. Здесь небо над хребтом Абсароки просто раскололось — белое, острое, без единой зазубрины.

Долина уходила вниз, огромная и пустая. В Сиэтле линия горизонта всегда была чем-то занята: стрелой строительного крана, стеклянным кубом офисного высотника, темным контуром Олимп-Маунтинс за заливом. Здесь горизонта не было. Была только выжженная заморозками желтая трава, которая тянулась до тех пор, пока небо не падало прямо на нее.

Грязь, раскисшая вчера от паров антифриза, за ночь схватилась острыми, каменными гребнями. Ботинки скользили, тонкая подошва не держала удар, и Эмбер едва не подвернула лодыжку, пока шла к главному дому. Из его широкой каменной трубы вверх шел плотный, ровный столб серого печного дыма, пахнувший сухой сосной и гарью.

Дверь главного дома оказалась не заперта. Коул не наврал — здесь действительно не знали, что такое врезные замки *Schlage* с кодовыми панелями.

Внутри пахло совершенно иначе, чем в Сиэтле. Никакого аромата диффузоров с белым чаем или свежемолотой арабики сильной обжарки. Кухня Мэдисонов пахла тяжелым растопленным салом, старым деревом, которое годами протирали льняным маслом, и крепким, горьким дегтевым мылом. Сама комната была низкой, с массивными балками под потолком, которые, казалось, держали на себе весь этот огромный, давящий дом. На огромной чугунной плите

дребезжал крышкой синий исцарапанный кофейник, выплескивая темные маслянистые капли на раскаленный металл.

У длинной разделочной доски спиной к двери стояла женщина. Она методично, короткими тяжелыми ударами широкого ножа пластала огромный кусок свиного бока. Серые волосы были собраны на затылке в тугую, аккуратный узел, а рукава её фланелевой рубашки — блекло-розовой, выцветшей на локтях до белизны — были закатаны до предплечий.

На полу, у ножки массивного дубового стола, сидела девочка лет четырех. На ней были огромные джинсовые комбинезоны с металлическими пряжками, а в руках она держала толстый ремешок из сыромятной кожи и старое ржавое железное кольцо. Ребенок с тупым упрямством пытался пропихнуть жесткий конец кожаной ленты в узкое отверстие.

Стук ножа прекратился. Женщина не вздрогнула, но её плечи заметно округлились. Она повернулась не спеша, удерживая нож опущенным вдоль бедра. Глаза у нее были небольшие, светлые и абсолютно неподвижные — точно такой же тяжелый, оценивающий взгляд вчера был у Коула.

— Проснулась, значит, — Грейс вытерла ладонь о передник из грубой мешковины. Это не было приветствием, скорее просто констатацией факта. — Коул уехал на восточный загон еще затемно. Сказал, на обочине шоссе брошена серая жестянка, надо оттащить её к сараю, пока окружной шериф не выписал квитанцию за блокировку дренажного рва.

У Эмбер перехватило дыхание. Пальцы правой руки сами собой потянулись к шее, перебирая бахрому оранжевого шарфа, закручивая шерстяные нити вокруг указательного пальца.

— Я Эмбер. Ривз.

— Знаю, кто ты. Садись к столу. Кофе закипел.

Грейс налила жидкость в огромную кружку из толстой синей керамики — в таких в городских кофейнях обычно подают суп-пюре, а не напитки. Ни сахара, ни сливок на столе не появилось. Только тарелка с тремя толстыми кусками поджаренного до черноты хлеба.

Эмбер опустила на скамью. Дерево под джинсами было холодным, но тепло от кружки почти сразу ударило в замерзшие пальцы, заставив ожог на ладони запульсировать сильнее.

Девочка на полу оставила свое кольцо. Она уставилась на Эмбер снизу вверх круглыми, темными, как дикая вишня, глазами. Её маленькие пальцы были испачканы в какой-то серой земляной пыли, а ногти — короткие, неровно обкусанные по краям — крепко сжимали кусок кожи.

Эмбер замерла. Профессиональная деформация художника всегда работала против нее: где бы она ни находилась, она всегда начинала разглядывать людей с рук. Не с лица, не с одежды. Руки Грейс — с узловатыми суставами, со следами от старых ожогов у запястий. Руки этого ребенка — маленькие, но уже цепкие, привыкшие хватать жесткие предметы. Её пальцы на столе едва заметно двинулись, словно указательный палец сам по себе пытался провести линию по воображаемой бумаге, очерчивая изгиб маленького запястья девочки.

— Яркий шарф, — подала голос Грейс, переворачивая шкворчащий бекон на сковороде. — В округе Парк такой цвет носят только парни в сезон охоты на лося. Чтобы свои же не всадили пулю между лопаток.

— Это подарок, — Эмбер сделала глоток. Кофе оказался обжигающим, горьким и отдавал привкусом железа от местной воды.

Она не стала рассказывать Грейс, что Марк купил этот шарф на Олив-Вэй за неделю до её отъезда, сопроводив покупку длинной лекцией о том, что её рыжий цвет волос требует «визуального баланса в условиях серой предзимней палитры». Эмбер сделала ещё один глоток кофе. Горечь застряла на языке дольше, чем хотелось.

— Понятно, — Грейс скользнула взглядом по её ногам под столом. — Коул сказал, ты из Сиэтла. Приехала рисовать наши холмы для какой-то книжки.

— Да. Детская серия. Про диких лошадей.

— Ну, холмы никуда не денутся. Они тут последние пару миллионов лет стоят в одной поре. А вот пальцы на ногах ты себе оставишь в этих городских чешках. Поешь, потом поднимемся в кладовую над пристроем. Там должны быть старые резиновые сапоги Элли. Они тебе будут велики размера на три, но если намотать пару слоев шерстяных носков, сойдет. В Монтане обувь выбирают не по размеру, а по плотности подошвы.

Через час Эмбер стояла у наружной левады, чуть позади огромного деревянного амбара.

Сапоги Элли действительно оказались огромными. Они тяжело бухали по мерзлой траве, как два пластиковых ведра, и при каждом шаге пятка со свистом вылетала из задника, несмотря на толстую серую шерсть носков, которая пахла старым стиральным порошком и овечьим жиром. Зато пальцы наконец перестали ныть от холода.

Ранчо казалось одновременно вымершим и перенаселенным звуками. Людей не было — Коул, как сказала Грейс, утащил её «Форд» на нижний двор у лесопилки, Джейка тоже не было видно. Но ветер, который дул со стороны каньона, заставлял доски загонов скрипеть на все лады. Это был долгий, нудный, деревянный стон, к которому примешивалось далекое звяканье цепи где-то у водонапорной башни.

Она подошла к забору из толстых жердей. В дальнем углу загона, уткнувшись мордой в пустую поилку, стоял крупный гнедой конь со старой отметиной на левом бедре. Он не шевельнулся, когда её сапоги загрохотали по гравию обочины. Только уши коротко повернулись назад, застыв в оборонительной позиции.

— Хороший мальчик, — тихо сказала Эмбер, протягивая руку к верхней перекладине.

Она понятия не имела, жеребец это или кобыла, но слова выскочили сами, по старой привычке из детских энциклопедий. Конь резко, с сухим звуком вскинул голову. Ноздри раздулись, вытолкнув две струи плотного белого пара прямо ей в лицо. Лошадиный глаз — огромный, чайного цвета, со светлым ободком — уставился на нее с такой дикой, осознанной злостью, что Эмбер отшатнулась. Нога в огромном сапоге подвернулась, она едва удержала равновесие, ухватившись здоровой левой рукой за холодную жердь.

Здесь всё имело свои границы. И животные, и люди, и эта земля не собирались подстраиваться под её аккуратные городские жесты.

Она ушла дальше, к небольшому каменистому выступу, где росли три старых, скособоченных от постоянного ветра тополя. Отсюда долина открывалась до самого горизонта, а хребет Абсароки казался серым обглоданным хребтом какого-то доисторического животного, вмерзшего в породу.

Эмбер села на плоский валун, предварительно смахнув с него рукой тонкую колючую изморозь. Достала из кожаного кофра тяжелый квадратный блокнот с плотной, зернистой бумагой ручного отлива. В горле мгновенно образовался сухой, тугий комок — точно такой же, как перед важными презентациями в агентстве, когда на кону стоял годовой бюджет, а перед ней лежал чистый планшет для эскизов.

Она вытащила из пенала толстый графитовый карандаш *6B*. Пальцы были теплыми благодаря носкам Грейс, но стоило ей занести грифель над белым листом, как рука мелко, ритмично задрожала.

Карандаш завис над бумагой. Ветер стих. Ничего не двигалось. Даже собственное дыхание казалось слишком громким.

В Сиэтле её мастерская всегда была заполнена фоновым шумом: шуршанием шин по мокрому асфальту на Пин-стрит, далеким гулом монорельса, равномерным тиканьем кофемашины в коридоре. Тот шум был каркасом, который удерживал её внутреннее равновесие. Здесь тишина была абсолютной, тяжелой и плотной, как бетон. Она словно давила на барабанные перепонки, требуя от Эмбер чего-то такого, чего внутри неё давно уже не осталось.

«Ты отличный исполнитель, Эмбер. У тебя великолепное чувство пятна, но в твоих линиях нет характера. Ты просто оформляешь чужие мысли», — голос Марка возник в голове

сам, чистый и аккуратный, как его воротнички. Он сказал это три месяца назад, когда она показала ему первые наброски для обложки Патриции. Сказал мягко, поглаживая её по плечу, словно выносил медицинский приговор, который не подлежит обжалованию.

Эмбер зажмурилась на секунду, до боли сжав зубы, а потом резко опустила карандаш на бумагу. Ей нужно было поймать этот излом скалы. Тот самый острый, безжалостный угол, где темный гранит врезался в холодное небо Монтаны. Линия должна была быть жесткой. Одной.

Рука дрогнула. Графит пошел в сторону, размазывая четкую границу, превращая излом в грязное, неровное пятно.

Она сильнее надавила на карандаш. Слишком сильно.

Щелк.

Звук получился коротким и резким. Толстый грифель не выдержал давления. Он отломился у самого основания деревянной рубашки, и маленький черный осколок графита покатился по белой странице, оставляя за собой неровный, жирный, ломаный след, прежде чем упасть в серую полынь у её ног.

Эмбер застыла. В руке остался тупой, бесполезный обрубок кедра. Белая страница была испорчена одной-единственной уродливой чертой, похожей на шрам. Она подняла обломок графита. Повертела между пальцами. И положила обратно в пенал. Не стала закрывать блокнот или бросать его на землю. Она просто сидела и смотрела на свои пальцы, где между серыми полосами графитовой пыли отчетливо горел вчерашний багровый ожог, стянутый холодом.

Прерия вокруг нее оставалась неподвижной. Холмы Монтаны стояли на своих местах, и им не было абсолютно никакого дела до её сломанных карандашей.

Глава 3 Коул

Неоновая вывеска над входом в *The Rusty Spur* доживала свой последний год. Синяя изогнутая трубка, изображавшая шпору, раз в три секунды коротко накоротко замыкала, издавая сухой, трескучий звук, похожий на щелчок крупного слепня о лобовое стекло. Красные буквы *B-E-E-R* ниже горели ровно, заливая парковку, покрытую жидкой грязью и мелкой речной галькой, густым багровым светом.

Коул толкнул тяжелую дубовую дверь, обитую по краям потемневшими от времени латунными гвоздями.

Внутри стоял привычный, не меняющийся годами запах: прогорклое фритюрное масло из кухни, старый пролитый эль, ввевшийся в неструганные сосновые доски пола, и тяжелый, сладковатый дым дешевого сырого табака, который мужики курили на заднем дворе и приносили внутрь на своих шерстяных куртках. Потолок здесь был низким, из темных балок, из-за чего в баре всегда стоял плотный, гулкий полумрак, даже если снаружи всюду полыхало полуденное солнце.

За стойкой сидели трое загонщиков с фермы Миллера. Они не повернули голов, когда Коул вошел, только их плечи в тяжелых куртках синхронно качнулись влево, освобождая место у прохода. Здесь знали каждого по шагам. Тяжелый, шаркающий припад на левую ногу — это старый Билли. Легкий, почти бесшумный ход — Джейк. Коул шел ровно, жестко впечатывая каблуки рабочих сапог в опилки, которыми был присыпан пол у порога.

Он опустился на свободный табурет в самом конце стойки, подальше от хрипящего музыкального автомата, который как раз зажевал старую пластинку Вилли Нельсона.

Бармен — высокий хмурый парень по имени Тодд, у которого половина левого уха была оторвана во время родео в Майлз-Сити — молча поставил перед Коулом чистый стакан из толстого стекла и выкатил из-под стойки початую бутылку *Black Velvet*.

— Забор на восточном доделал? — Тодд вытер столешницу грязным серым полотенцем, размазывая маслянистый след от чьего-то пива.

— Два пролета осталось, — Коул налил себе на два пальца. Жидкость была темной, янтарной, с резким спиртовым запахом, от которого сразу закололо в ноздрях. — Земля встала. Приходится ломом бить.

— К утру обещают буран из Вайоминга, — Тодд бросил полотенце на плечо и повернулся к кухне. — Если не успеешь, скот уйдет в каньон. Выковыривать их оттуда будешь до Рождества.

Коул не ответил. Он поднял стакан, подержал его секунду у губ, вдыхая тяжелый аромат дешевого алкоголя, и выпил одним коротким глотком. Горло обожгло, в желудке разлилось сухое, горячее тепло, но лицо Коула не изменилось. Он опустил стакан на стойку точно в то же место, где тот стоял секунду назад. Пальцы левой руки привычно легли на край столешницы, нащупывая глубокую старую царапину в дереве.

Дверь бара снова открылась, впустив внутрь порцию ледяного воздуха с улицы. Музыкальный автомат на секунду захлебнулся.

Джейк вошел не спеша, стряхивая капли мелкого, ледяного дождя со своего широкого кожаного жилета. Его длинные светлые волосы были мокрыми и прядями липли к лицу, а лицо — обычно веселое и подвижное — сейчас казалось серым от усталости. Он оглядел бар, заметил Коула и направился прямо к нему. На ходу он вытащил из кармана мятую пачку *Lucky Strike*, сунул одну сигарету в угол рта, но зажигалку искать не стал. Просто сел на соседний табурет, тяжело опершись локтями о лакированное дерево стойки.

— Твой «Шевроле» стоит на нижней леваде, — сказал Джейк вместо приветствия. Его голос был сухим, с характерным для местных жителей растягиванием гласных. — У него пра-

вый задний амортизатор совсем сдох. Машину ведет на три дюйма в сторону, когда в кузове больше пятисот фунтов.

— Знаю, — Коул снова потянулся к бутылке, но наливать не стал — просто провернул ее вокруг оси, глядя, как полоска света от неоновой вывески скользит по этикетке. — Завтра замену. Если Джимми привезет бутылки.

Джейк молчал около минуты. Он взял у Тодда бутылку холодного *Coors*, скovyрнул крышку прямо краем стойки — железо коротко звякнуло, упав в опилки, — и сделал три больших, жадных глотка. Его кадык на худой шее двигался резко, с сухим шелканьем.

— Грейс звонила мне час назад, — наконец произнес Джейк. Он не смотрел на Коула, его взгляд был прикован к экрану старого телевизора над баром, где без звука крутили повтор какого-то бейсбольного матча. — Рассказала про городскую. Которая у вас в гостевом домике сидит.

Коул едва заметно нахмурился. Кончики его пальцев на стакане побелели от напряжения, но он сразу расслабил руку, опустив ладонь на колено. — Эмбер. Она приехала делать зарисовки для книг. Патриция Джонсон пришлет контракт в понедельник. Это чистая аренда, Джейк. Триста долларов в неделю. Для ранчо это хорошие деньги перед зимой.

— Мне плевать на триста долларов, Коул, — Джейк повернул голову. Его светлые глаза, обычно спокойные, сейчас смотрели жестко, без тени привычной дружеской расслабленности. — И на книжки её мне тоже плевать. Ты знаешь, откуда она приехала?

— Из Сиэтла.

— Она приехала оттуда три дня назад. Грейс разговаривала с ней на кухне, пока ты возился с её жестянкой на шоссе. Девчонка не просто так сорвалась посреди осени в нашу глухомань на машине, которая разваливается от одного вида грунтовок.

Джейк вытащил сигарету изо рта, покрутил её между пальцами — длинными, сухими, с черными полумесяцами грязи под ногтями после ремонта прицепа — и положил обратно на стойку.

— У неё там остался жених. Или бывший. Марк, кажется. Грейс говорит, этот хмырь из тех городских умников, которые покупают дома по миллиону долларов у залива и думают, что могут купить всё остальное.

— Грейс говорит, она вздрагивает от каждого звонка.

— И что?

— Ничего.

Просто такие люди не уезжают за тысячу миль без причины.

Когда она попыталась уйти, он заблокировал её счета в банке и пообещал уничтожить её агентство, если она не вернется к Рождеству. Она уехала ночью, забрав только этот свой чемодан и блокноты.

Коул слушал молча. Его лицо оставалось неподвижным, как кусок гранита на перевале. Он помнил этот багровый ожог на её ладони, её злые, сухие глаза перед кипящим капотом и то, как упрямо она шла за ним по замерзшей глине, ни разу не попросив о помощи. Теперь это обретало форму. Но эта форма ему не нравилась. На ранчо «Железное дерево» хватало своих проблем: падение цен на говядину, текущие крыши амбаров и чертов канадский фронт, который шел со стороны границы. Чужие городские драмы в этот список никак не вписывались.

— Мне какое дело? — Коул поднял глаза на Джейка. Голос прозвучал холоднее, чем обычно. — Она платит за домик. Грейс дала ей сапоги. В понедельник придет Джимми, починит её «Форд», и если ей захочется уехать обратно в свой Сиэтл — пускай катится. Мое дело — забор.

Джейк подался вперед. Его плечо прижалось к плечу Коула, и от него резко пахло сырой кожей и мятной жвачкой, которую он жевал, чтобы заглушить запах табака.

— Послушай меня, Мэдисон, — Джейк говорил тихо, почти шепотом, но каждое слово вылетало из него, как тяжелая дробишка из ствола двенадцатого калибра. — Я знаю тебя двадцать лет. Я знаю, как ты умеешь закрывать рот и не смотреть на людей неделями. Но эта девчонка... она сейчас как разбитое стекло. Одно неловкое движение — и она либо сама порежется, либо тебе брюхо вскроет. Ей не нужны твои ковбойские штучки, Коул. Ей не нужны разговоры по душам, и уж точно ей не нужен мужчина, у которого внутри собственного дерьма столько, что из него можно построить еще одну плотину на реке.

Коул почувствовал, как мышцы на челюсти свело судорогой. Старая трещина в правом плече, полученная четыре года назад на родео в Биллингсе, глухо заняла — всегда к смене погоды.

— Ты закончил? — спросил он сквозь зубы.

— Нет, не закончил, — Джейк не отвел взгляда. — Грейс просила передать.

— Не пускай её к Шторму.

— Почему?

— Потому что я не собираюсь объяснять шерифу, почему туристку затоптал жеребец.

Пусть рисует свои холмы, пусть ходит в этих огромных сапогах вокруг амбара, но ты держись от неё на расстоянии длины лассо. Ей нужно время, чтобы просто перестать вздрагивать от каждого телефонного звонка. Если этот её Марк приедет сюда... ну, с ним мы разберемся, у нас за сараем места много. Но до тех пор — оставь её в покое. Тебе самому бабы не нужны, ты это после Лили твердишь на каждом углу. Вот и держи слово.

Слово «Лили» повисло в воздухе между ними, тяжелое и липкое, как мазут.

Музыкальный автомат в углу наконец справился со старой лентой, и из динамиков хрипло полился голос Джонни Кэша — *I Walk the Line*. Мужики у стойки громко рассмеялись какому-то анекдоту Тодда, кто-то хлопнул ладонью по дереву, требуя еще одну пинту. Жизнь в баре шла своим чередом, не обращая внимания на тишину, которая воцарилась в самом конце стойки.

Коул медленно повернул голову к Джейку. Его взгляд был пустым. Таким взглядом смотрят на пустую леваяду после того, как оттуда угнали последнего коня.

— Я не ищу себе бабу, Джейк, — сказал он. Каждый слог был ровным, без единой зазубрины. — Я забыл, как они пахнут, еще когда Лили собирала свои чемоданы три года назад. Коул посмотрел на свой пустой стакан. Потом налил ещё немного. Хотя собирался уходить. Пускай сидит в своем домике. Я даже здороваться с ней не буду, если тебя это успокоит.

Джейк внимательно посмотрел на него еще секунды три, словно пытался разглядеть что-то за этим каменным покерфейсом, а потом медленно расслабил плечи. Он потянулся к своей сигарете, чиркнул старой зажигалкой *Zippo* — пламя на секунду выхватило из темноты его худое, покрытое мелкими шрамами лицо — и затянулся.

— Вот и отлично, — Джейк выпустил струю дыма вверх, в сторону темных потолочных балок. — Вот и ладно. Грейс приготовила пирог с ревенем. Завтра Роуз исполняется четыре, забыл? Приходи к двум часам. Только помой руки нормально, а то от тебя прет дизелем за милю.

— Приду, — Коул поднялся с табурета.

Он оставил на стойке пятидолларовую купюру, не дожидаясь сдачи. Перехватил свою куртку, которая висела на спинке соседнего стула, и пошел к выходу.

На улице дождь перешел в мелкую крупу. Белые жесткие крупинки льда летели наискось, подгоняемые ветром с севера, и с сухим стуком бились о металлическую крышу его «Шевроле». Коул сел за руль, захлопнул дверь — кабина встретила его привычной темнотой и запахом старой трансмиссионки.

Он поднял левую руку к рулю и на секунду замер. Тот самый длинный медный волос, который он заметил на липучке манжета несколько часов назад, исчез. Должно быть, его сорвало ветром, когда он шел от левады к бару, или он остался в опилках на полу *The Rusty Spur*.

Коул повернул ключ в замке зажигания. Двигатель отозвался тяжелым, неровным рыком, и старый пикап, покачиваясь на убитом правом амортизаторе, медленно выехал с парковки, оставляя позади мигающую синюю шпору неоновой вывески. Надвигалась буря, и у него осталось слишком мало времени, чтобы думать о чужих разбитых жизнях.

Глава 4 Эмбер

К четырем часам дня небо окончательно потеряло остатки цвета, превратившись в ровную, тусклую пластину из нешлифованного олова. Ветер с каньона сменил направление — теперь он дул короткими, яростными порывами, каждый из которых приносил с собой мелкую, сухую ледяную крупу. Крупинки с тихим, шуршащим звуком бились о плотную ткань её серого пальто и застревали в складках оранжевого шарфа, похожие на крошечные мертвые бусины.

Эмбер сидела на веранде гостевого домика, поджав под себя ноги в огромных сапогах Элли. На коленях лежал блокнот. На испорченной утренним шрамом-линией странице теперь появилось еще несколько набросков: угловатый контур водонапорной башни, кривой силуэт старого тополиного ствола и несколько быстрых, рваных штрихов, пытавшихся передать движение сухой полыни под ветром.

Она сменила графит на тонкий угольный стержень, который отыскался на самом дне её жестяного пенала. Уголь ложился иначе — он не требовал силы, он пачкал пальцы, оставляя на подушечках черную, бархатистую пыль, и въедался в зернистую бумагу с каким-то глухим, шелестящим звуком. Но внутри всё равно зудело чувство собственной беспомощности. Каждая линия казалась ей слишком легкой, слишком поверхностной для этого места. Она пыталась изобразить тяжесть, но получалась лишь тень.

«Ты слишком много думаешь о форме, Эмбер, — Марк любил повторять это во время их субботних обедов в ресторанчике на побережье, когда она показывала ему макеты новой рекламной кампании. — Форма — это просто упаковка. Аудитории нужен понятный, предсказуемый месседж. Не нужно усложнять там, где клиент хочет видеть простоту».

Эмбер тряхнула головой, пытаясь выбить этот ровный, правильный голос из мыслей. Здесь, на ранчо «Железное дерево», простота была другой. Она была колючей, тяжелой и пахла навозом. Она не имела ничего общего с той стерильной концепцией, которую Марк называл «минимализмом».

Она захлопнула блокнот. Звук получился резким, как выстрел в пустом дворе. Натянув шарф до самого носа, чтобы защитить лицо от колючего ветра, Эмбер спустилась по ступенькам. Остаться в четырех стенах остывающего домика было невыносимо. Ей нужно было двигаться, нужно было заставить эти огромные, чужие сапоги работать, чтобы согреться.

Она пошла в обход конюшни, туда, где за высоким бревенчатым загонным кольцом начинались дальние левады. Эта часть ранчо казалась самой старой. Бревна изгороди здесь потемнели до черноты, покрылись глубокими продольными трещинами и мохом, который от мороза стал жестким, как щетка.

В самом центре загона, отделенный от остального пространства двойным рядом жердей, стоял вороной жеребец.

Эмбер остановилась в десяти шагах от изгороди, почти перестав дышать. Этот конь не был похож на того гнедого, которого она видела утром у поилки. Тот был рабочей лошадью — крупной, спокойной, со следами от упряжи. Этот казался чистым сгустком тяжелой, темной энергии. Огромный, с массивной шеей, крутым изгибом крупа и длинной, спутанной гривой, которая закрывала половину его морды. Его шерсть не отливала гляncем, как на картинках в журналах; она была матовой, густой и казалась поглощающей свет этого пасмурного дня.

Его звали Шторм. Она вспомнила, как Грейс утром вскользь упомянула «чертова дьявола, которого Коул притащил с аукциона в Вайоминге и до сих пор держит взаперти, потому что у этой скотины в голове только динамит».

Жеребец заметил её. Он не вскинул голову, не заржал. Он медленно, почти крадучись, повернулся всем корпусом в её сторону. Его копыта — широкие, обросшие жесткой щеткой волос у бабок — опускались на замерзшую землю с тяжелым, глухим стуком. Эмбер видела,

как из его ноздрей вырываются две густые, ровные струи пара. Они поднимались вверх, смешиваясь с летящей крупой, и на секунду закрывали его морду белой вуалью.

— Эй... — тихо, почти шепотом произнесла Эмбер, делая один шаг вперед. Сапог громко хрустнул сломанной веткой полыни.

Шторм мгновенно отреагировал. Он заложил уши назад так плотно, что они практически слились с линией его затылка. Нижняя губа дрогнула, обнажив крупные, желтоватые зубы. Он сделал резкий, короткий выпад передней ногой, ударив копытом в землю. Из-под подошвы во все стороны разлетелись мелкие осколки замерзшей глины. Один из них попал Эмбер по полу пальто.

Внутри неё что-то оборвалось. Это не был тот контролируемый страх, который она испытывала в Сиэтле, когда начальник департамента вызывал её на ковер после сорванного дедлайна. Это был чистый, первобытный ужас перед массой в полторы тысячи фунтов живого, неуправляемого мяса и костей, которые находились от неё на расстоянии одного прыжка. Её колени подогнулись, спина сама собой уперлась в ледяные доски стены амбара за её спиной. Пальцы правой руки судорожно вцепились в ремень кофра, сжимая его так сильно, что вчерашний ожог отозвался острой, режущей болью.

Но она не ушла. Какая-то глухая, злая гордость, которая заставила её три дня назад швырнуть ключи от сиэтлской квартиры на стол Марка, удерживала её на месте. Она смотрела в этот огромный, налитый кровью лошадиный глаз, чувствуя, как внутри неё начинает подниматься такая же дикая, глухая ярость.

— Не двигайся, — раздался сзади низкий, ровный голос.

Коул

Я заметил её еще от ремонтных сараев. Оранжевое пятно её шарфа горело на фоне серых досок амбара, как сигнальный костер на холме. Она стояла слишком близко к внутреннему кольцу. Чертовски близко.

Шторм уже заходил на второй круг. Его хвост был приподнят, а это значило, что через секунду этот ублюдок либо пойдет грудью на забор, либо попытается достать девчонку зубами через верхнюю жердь. Он ненавидел чужаков. Он ненавидел женщин. Он вообще ненавидел всё, что не пахло дизелем, мылом со склада и старой кожей моей португеи.

Я шел к ним быстро, но без суеты, стараясь не делать резких движений, чтобы не спровоцировать коня раньше времени. Мои пальцы привычно легли на натяжную петлю недоуздка, который висел на моем плече.

— Не шевелись, Ривз, — повторил я, подходя к ней сбоку. — Сними руку с ремня. Медленно. Он реагирует на резкие звуки и натяжение кожи. Для него это знак, что его хотят связать.

Она послушалась. Не сразу — её пальцы были белыми, суставы заклинило от холода и страха, но она разжала ладонь. Кожаный кофр мягко стукнулся о её бедро. Она повернула ко мне лицо. Шарф съехал вниз, обнажив бледные, дрожащие губы и огромные, расширенные до предела зеленые зрачки. Она смотрела прямо на него. Не на жеребца. На него.

Он шагнул вперед. Пространства между ними почти не осталось. Рукав его куртки задел её плечо. Эмбер почувствовала запах мокрой кожи, холода и лошади. Жеребец тут же остановился. Он недовольно фыркнул, выбросив порцию горячей слизи из ноздрей, которая осела на рукаве моей брезентовой куртки, и сделал два шага назад, качая головой.

— Ты совсем без головы, да? — я повернулся к ней, не снимая шляпы. Нам обоим в лицо летел этот мелкий, колючий лед, и у меня уже начинали неметь щеки. — Грейс не говорила тебе утренним английским языком, что к этому загону подходить нельзя?

— Она говорила, — Эмбер попыталась выпрямиться, но её спина всё еще была прижата к амбару. Голос её дрожал, но она старалась говорить жестко. — Она сказала, что он сумасшедший. Я просто хотела посмотреть. Мне нужно рисовать лошадей, Коул. Я не могу рисовать их по памяти или по картинкам из Гугла. Мне нужно видеть структуру мышц.

— Структуру мышц? — я коротко хмыкнул, перехватывая ремень недоуздка. — Если этот «структурный» ублюдок перемахнет через верхнюю жердь, он сломает тебе ребра одним ударом переднего копыта. И твоя структура превратится в мешок с костями до того, как я успею добежать до пикапа за ружьем. Посмотри на его уши. Видишь, как они лежат? Это значит, что он сейчас думает, как тебя убить. Не напугать, Ривз. Убить.

Она посмотрела на Шторма через мое плечо. Конь сейчас стоял спокойно, но продолжал мелко перебирать задними ногами, взрывая копытами землю.

— Он не сумасшедший, — тихо сказала она. Её взгляд изменился — страх уходил, уступая место какому-то странному, профессиональному интересу, от которого мне стало не по себе. — Он просто защищается. Ему здесь тесно. Этот загон для него как клетка.

Я внимательно посмотрел на неё. Из-под мокрой фетровой шляпы мне были видны её рыжие пряди, которые выбились из-под оранжевой шерсти и липли к мокрому от крупы лбу. Её лицо было совсем тонким, почти прозрачным на этом жестком свете прерии.

— Ему здесь нормально, — отрезал я. — Это Монтана, Ривз. Здесь у каждого своя клетка. У него — этот загон, у тебя — твой гостевой домик, у меня — этот чертов восточный забор, который я никак не могу закончить из-за того, что мне приходится вытаскивать городских девиц из-под копыт.

Я сделал шаг вперед, оказываясь к ней вплотную. От неё снова пахло этой дурацкой, неуместной здесь ванилью и застарелым сигаретным дымом. Её оранжевый шарф коснулся

брзента моей куртки, оставив на нем несколько ярких ворсинок. Я опустил взгляд и заметил её правую руку. Пузырь ожога на ладони лопнул — должно быть, она сорвала его, когда хваталась за забор или сумку. Из раны сочилась прозрачная сукровица, смешиваясь с черной угольной пылью от её карандашей.

— Ты испачкалась, — сказал я, перехватывая её запястье.

Моя ладонь — огромная, жесткая, с кожей, похожей на наждак после сорока лет работы с железом и деревом — полностью закрыла её тонкую руку. Она попыталась дернуться назад, но я держал крепко. Не больно, но так, чтобы она поняла: дергаться бесполезно.

— Пусти, — процедила она сквозь зубы.

— Помолчи секунду, — я повернул её ладонь тыльной стороной вверх. Грязь забилась под ногти, кожа вокруг ожога покраснела и начала опухать. — Если занесешь туда местную заразу из загона, через три дня у тебя рука раздуется до размеров боксерской перчатки. В гостевом домике на полке над зеркалом стоит синяя банка. Там дегтярная мазь. Смываешь эту черную грязь колодезной водой, мажешь толстым слоем и заматываешь чистым куском ткани. У Грейс в комодке есть старые простыни, возьми одну.

Я отпустил её руку. На её бледной коже остался четкий, красный след от моих пальцев, который тут же начал темнеть на морозе.

Она смотрела на свою ладонь, потом на меня. В её глазах была такая смесь злости, гордости и какого-то глухого, застарелого отчаяния, что мне на секунду захотелось взять её за плечи и хорошенько встряхнуть, чтобы вся эта сизтлская дурь вылетела из её головы раз и навсегда.

— Я сама справлюсь, Мэдисон, — сказала она. Голос больше не дрожал. Он стал холодным, как лед на ручье. — Я приехала сюда работать, а не выслушивать лекции от местных фермеров о том, как мне ходить и чем мазать руки. Моя машина будет готова в понедельник?

— Будет, — я отступил на шаг, возвращая между нами прежнюю безопасную дистанцию. — Джимми привезет хомуты к полудню. Заплатишь ему двадцать долларов за работу и пять за антифриз. И можешь ехать на все четыре стороны. Дорога на Бозмен будет открыта, если перевал не занесет.

— Отлично, — она резко развернулась. Её огромные сапоги тяжело забухали по замерзшей глине, унося её оранжевый шарф в сторону гостевого домика. Она шла ровно, не оборачиваясь, хотя я видел, как её плечи мелко подрагивали под серым сукном пальто.

Я повернулся к загону. Шторм стоял у дальних жердей, опустив голову к самой земле. Он смотрел на меня из-под своей дикой гривы, и в его чайном глазу больше не было ярости — только то же самое вечное, глухое недоверие, с которым эта земля встречала каждого, кто пытался пустить здесь корни.

Я поднял руку, поправил шляпу, сбивая с полей налипший лед. На липучке левого манжета снова запуталось несколько ярких, медных шерстинок от её шарфа. На этот раз я не стал ждать, пока их сорвет ветром. Я просто засунул руки глубоко в карманы куртки и пошел к конюшне. Буря со стороны Абсароки уже подходила к самой границе нижнего пастбища.

Глава 5 Коул

Ветер перешел на вой к семи вечера. Он не налетал порывами, как днем, а лег на долину сплошным, тяжелым потоком, который шел со стороны предгорий Вайоминга и нес с собой мелкую, сухую ледяную пыль. Видимость упала до десяти ярдов. Старый тополь у въезда на усадьбу исчез в сплошной белой круговерти, и теперь о его существовании напоминал лишь протяжный, надрывный скрип толстых сучьев, упрямо сопротивлявшихся стихии.

Коул стоял у ворот главного сарая, удерживая плечом тяжелую дубовую створку. Металлическая задвижка покрылась слоем изморози и никак не хотела вставать в паз. Он ударил по ней обухом топора — один раз, жестко, без замаха. Железо звякнуло, содрал ледяную корку, и засов наконец вошел в гнездо.

Внутри сарая было относительно тихо, если не считать того, как гудела высокая жестяная крыша под напором бурана. В дальнем углу, за плотной стеной из тюков сена, Шторм мерно ходил по кругу в своем просторном деннике. Его копыта глухо впечатывались в толстый слой сухих опилок. Время от времени жеребец останавливался, шумно втягивал воздух ноздрями, улавливая свист ветра в щелях, и выдавал короткое, недовольное фыркание. Он чувствовал перемену погоды лучше любого барометра в офисе окружного шерифа.

Коул проверил задвижку на деннике коня, поправил брезентовую попону на соседней кобыле и только после этого задул керосиновую лампу. Тьма опустилась мгновенно, плотная и осязаемая.

Путь от сарая до крыльца главного дома занимал не более тридцати шагов, но сегодня эти тридцать шагов напоминали переправу через горную реку вслепую. Белая взвесь забивала рот и нос при каждом вздохе, ледяные иглы кололи кожу вокруг глаз, заставляя щуриться до узких щелей. Коул шел по памяти, выставив вперед левую руку в тяжелой рукавице, пока его пальцы не наткнулись на шершавое, обледеневшее дерево перил веранды.

В доме было тепло, но это было то обманчивое тепло, которое быстро выдувается, если не следить за печью. Грейс и Роуз остались на нижней ферме у Джейка — в такую погоду никто бы не рискнул везти четырехлетнего ребенка по перевалу, где видимости не было даже для противотуманных фар трактора. Коул был один.

Он скрутил тяжелую куртку прямо на деревянный пол у порога. Из складок брезента тут же посыпалась мелкая крупа, превращаясь на теплых половицах в грязные серые лужицы. Шляпу он положил на крюк в прихожей, провел ладонью по коротко стриженным волосам, смахивая остатки растаявшего снега.

Дом стонал. Старый кедровый каркас, срубленный еще его дедом в пятидесятых, принимал удары бурана со стоическим, деревянным скрипом. Каждая балка здесь притерлась друг к другу за полвека, но в такие ночи казалось, что у здания есть собственный голос — низкий, рокочущий бас, который вибрировал где-то под подошвами сапог.

Коул прошел на кухню, не включая электричество. Генератор на заднем дворе работал ровно, его глухой надрывный стук едва пробивался сквозь завывание ветра, но тратить лишнее топливо не хотелось. В Монтане зимняя экономия — это не вопрос денег, а вопрос того, сколько дней ты сможешь продержаться, если дороги занесет трехфутовым слоем наста до самой автострады.

Он зажег маленькую газовую горелку на плите, поставил на нее вчерашний кофейник. Жестяное дно нагревалось медленно. Коул сел на скамью у окна, положив локти на колени.

В темноте кухни его лицо казалось вырезанным из куска потемневшего от времени дуба. Глаза, привыкшие за день всматриваться в белую пелену пастбищ, теперь отдыхали, глядя на маленькое синее пламя горелки. В голове было пусто, и эта пустота была привычной, даже

комфортной. Точно так же, как счет скоб на заборе, эта пустая тишина помогала держать мысли в узде.

«У тебя вместо сердца кусок железного дерева, Коул», — Лили сказала это перед тем, как сесть в такси до Бозмена три года назад. Её чемоданы тогда стояли на этой самой кухне, точно так же, как сегодня днем стоял чемодан Эмбер на веранде гостевого домика. Лили не плакала. Она просто устала. Устала от того, что зимой здесь темнеет в четыре дня, устала от запаха мазута и навоза, устала от мужа, который мог уйти на дальний загон в семь утра и вернуться к полуночи, не произнеся за весь вечер больше пяти слов.

Коул пошевелил пальцами правой руки. На суставе указательного пальца до сих пор оставался едва заметный след — тонкий белый шрам от старого обрыва троса. Земля забирала всё, что ты ей давал, но взамен давала только это: тяжелую работу и право сидеть в темноте под завывание бурана.

Кофейник на плите глухо заклокотал. Коул поднялся, выключил газ и налил темную, почти черную жидкость в свою синюю кружку. Первые два глотка обжог язык, но он даже не поморщился. Железистый привкус воды из глубокой скважины вьелся в этот кофе так же прочно, как вьелась пыль прерии в его рабочую одежду.

Он вернулся к окну. Сквозь двойное стекло ничего не было видно — ледяные узоры начали нарастать изнутри углов рамы, превращая стекло в матовую, непроницаемую стену. Но Коул знал, где сейчас находится гостевой домик. Метрах в семидесяти к северу, за линией тополей.

Интересно, догадалась ли эта городская закрыть заслонку на печи? Если оставить её открытой слишком сильно, все дрова прогорят за пару часов, и к полуночи комната превратится в ледник. А если закрыть полностью — дым повалит внутрь, и она задохнется в собственном спальнике до того, как сообразит, в чем дело. Сиэтлские агентства не учат обращаться с чугунными печками *Harman*. Они учат делать красивые картинки.

Коул сделал еще глоток. Вспомнил её пальцы — грязные от графита, с сорванным пузырем ожога. Она даже не пикнула, когда он сжал её запястье. Он вспомнил, как она прижала обожженную ладонь к боку и продолжила стоять рядом со Штормом. Любой нормальный человек давно бы отступил. Она — нет. Точно такая же, как Шторм в своем загоне. Она смотрела так, будто собиралась спорить со всем ранчо сразу. И всё же чем дольше он вспоминал её взгляд, тем больше ему казалось, что за злостью там было что-то ещё.

Он поставил кружку на стол. Звук получился глухим.

Джейк был прав в одном: лезть в чужую драку — последнее дело в Монтане. Своих проблем выше крыши. Завтра нужно будет пробивать колею до лесопилки, проверять генератор на нижних загонах, смотреть, не перемерзла ли труба у Мэдисонов-старших. Девчонка уедет в понедельник. Джимми починит её «Форд», она заберет свои блокноты и укатит обратно к своему Марку или куда там еще уезжают девицы с оранжевыми шарфами. Это не его история.

Эмбер

Сумерки сгустились над гостевым домиком мгновенно, словно кто-то просто выключил верхний свет в огромной, пустой студии. Вместе с темнотой пришел холод — не тот привычный осенний воздух, от которого хочется поглубже зарыться в воротник куртки, а тяжелый, неподвижный мороз, который просачивался сквозь тонкие деревянные стены, как невидимая ледяная вода.

Эмбер сидела на краю узкой кровати, завернувшись в шерстяное одеяло поверх своего серого пальто. Её правая ладонь сильно пульсировала. После того как она вернулась от загона, с трудом сдерживая слезы от злости и пережитого страха, она попыталась промыть лопнувший ожог. Колодезная вода оказалась настолько ледяной, что пальцы мгновенно свело судорогой, а угольная пыль от карандашей, смешавшись с сукровицей, намертво въелась в края раны, оставив на коже грязные, траурные отметины.

Дегтярная мазь в синей банке, о которой говорил Коул, нашлась на полке над зеркалом. Она пахла резко, удушливо — старой железной дорогой и сырой хвоей. Эмбер с отвращением размазала черную массу по ладони, чувствуя, как кожу начинает жечь еще сильнее, и наспех перемотала руку куском старой простыни, которую нашла в комодке Грейс. Узел пришлось затягивать зубами.

Комната остывала на глазах. Её дыхание уже превращалось в густые белые облачка, которые медленно таяли под низким потолком.

«Надо растопить эту чертову печь», — подумала она, глядя на угловатый силуэт чугунового монстра в углу.

В Сиэтле управление климатом в её квартире сводилось к легкому касанию сенсорного экрана на стене. Нажал стрелку вверх — и через десять минут по паркету можно ходить босиком. Здесь же... Перед печью лежала охапка березовых поленьев и ведро со щепками, приготовленные Грейс. Эмбер опустилась на колени перед открытой дверцей. Руки дрожали — то ли от холода, то ли от затянувшегося адреналинового отката после встречи со Штормом.

Она скомкала несколько страниц из своего старого блокнота со старыми, неудачными черновиками логотипов для сиэтлского бренда одежды. Сверху набросала мелких щепок, как показывал отец во время их единственного похода в детстве, и чиркнула длинной каминной спичкой.

Огонь схватился быстро. Веселые оранжевые язычки лизнули бумагу, осветив серые стены гостевого домика теплым, уютным светом. Эмбер выдохнула, подбрасывая полено потолще, и прикрыла чугунную дверцу.

Это было её ошибкой.

Она не знала, что канадский фронт, упавший на долину, создал в трубе мощную воздушную пробку, а заслонка, которую Коул мимоходом упомянул в её первый день, была сдвинута слишком глубоко назад. Вместо того чтобы уходить вверх, тяжелый, горький дым от березовой коры хлынул обратно — сквозь вентиляционные отверстия и щели в дверце печи.

За пару минут маленькая комната заполнилась плотной, сизой пеленой. Дым резал глаза, вышибая слезы, и забивал легкие. Эмбер закашлялась, согнувшись пополам, попыталась нащупать металлический рычаг заслонки, но он уже раскалился, и она лишь обожгла здоровые пальцы через ткань перчатки.

В панике она рванула на себя входную дверь домика.

Буран только этого и ждал. Ледяной вихрь с ревом ворвался внутрь, мгновенно швырнув в лицо Эмбер пригоршню жесткого, колючего снега. Ветер перевернул легкий стул у стола, разметал оставшиеся листы бумаги и выдул остатки дыма вместе с тем скудным теплом, кото-

рое печь успела дать. Огонь внутри чугунного брюха захлебнулся и погас, оставив после себя лишь шипение замерзающей смолы и едкий, удушливый чад.

Эмбер навалилась на дверь всей массой своего тела, захлопывая её и задвигая щеколду.

Она осталась в полной темноте. Фонарик на её телефоне показывал всего четыре процента зарядки — генератор гостевого домика, видимо, не справлялся с нагрузкой, и розетка в углу перестала подавать ток еще час назад. Комната пахла гарью, пеплом и смертью. Температура внутри стремительно сравнивалась с уличной.

Она снова села на кровать, подтянув колени к подбородку. Тело колотило крупной, неуправляемой дрожью. Зубы стучали так громко, что этот звук казался ей чужим.

В темноте перед её глазами отчетливо возникло лицо Марка. Его идеальная, ухоженная борода, его уверенный, слегка покровительственный взгляд во время их последнего разговора в ресторане у залива.

«Ты сломаешься через неделю, Эмбер, — его голос звучал в её голове так чисто, словно он стоял прямо за её спиной, в этой промерзшей комнате в Монтане. — Ты городской ребенок, который привык к комфорту, хорошему кофе и предсказуемости. Твоя независимость — это просто каприз. Поиграешь в художницу в своей глуши, просадишь остатки денег и приползешь обратно. Потому что без меня ты не умеешь выживать».

— Нет, — прошептала она в темноту. Губы почти не слушались её. — Нет, ублюдок. Не приползу.

Этот внутренний протест, эта глухая, яростная злость на человека, который два года медленно стирал её личность, превращая в удобное приложение к своей успешной жизни, неожиданно дали ей прилив тепла. Не того, которое греет тело, а того, которое заставляет двигаться, когда мышцы отказываются служить.

Она не умрет здесь. И она не позволит этой земле победить себя в первый же день.

Эмбер нащупала на полу свой плоский кожаный кофр с рисунками. Это было единственное, что имело значение — её работа, её билеты в новую жизнь. Она прижала кофр к груди под пальто, застегнула пуговицы до самого горла и туго, в несколько оборотов, намотала оранжевый шерстяной шарф на голову, закрывая нос и рот.

Она подошла к окну. Сквозь толстый слой изморози невозможно было ничего разглядеть, но Эмбер упрямо терла стекло шерстяным рукавом, пока в центре не образовалось маленькое прозрачное пятнышко. Через него, сквозь яростный белый хаос бурана, метрах в семидесяти к югу, она увидела его.

Единственный, тусклый, но невероятно стабильный желтый квадрат света. Окно кухни главного дома. Свет не двигался.

Не мигал. Просто горел. И почему-то этого оказалось достаточно.

Эмбер глубоко вздохнула через шерсть шарфа, чувствуя, как ледяной воздух обжигает легкие даже сквозь ткань. Она протянула руку, нащупала засов входной двери, повернула его и шагнула прямо в ревущую белую бездну.

Пространство между домиками, которое утром казалось короткой приятной прогулкой, превратилось в бесконечный лабиринт из льда и ветра. Стоило ей сделать три шага от крыльца, как гостевой дом за её спиной растворился в белой стене. Не было ни верха, ни низа, ни право, ни лево. Ветер бил в грудь с такой силой, что её шатало, а огромные сапоги Элли, слишком просторные для её ног, увязали в свежих, рыхлых сугробах по самое колено.

Она шла наощупь, удерживая в памяти то направление, где видела желтый квадрат света. Один раз она споткнулась о занесенное снегом бревно левады и упала лицом в сугроб. Ледяная крупа мгновенно забила под шарф, обжигая шею. Кофр с рисунками выскользнул из рук. В панике, задыхаясь от летящего в рот снега, Эмбер ползала на коленях по замерзшей глине, пока её замерзающие пальцы не наткнулись на знакомую жесткую кожу сумки.

Она поднялась. Колени подкашивались, пальцев на ногах она уже не чувствовала вовсе. Мир вокруг неё сузился до размеров этого оранжевого шарфа и бесконечного, глухого рева ветра. Ей казалось, что она ходит по кругу, что свет главного дома давно погас, и она просто замерзнет здесь, на этой безымянной поляне между тополями, превратившись в еще одну ледяную статую Монтаны.

Но тут её протянутая вперед левая рука наткнулась на что-то твердое. Вертикальное бревно. Перила веранды.

Собери остатки сил, Эмбер. Просто собери их.

Она буквально вползла по трем обледеневшим ступеням крыльца, волоча за собой отяжелевшие ноги. Её тело больше не подчинялось разуму — это был чистый животный инстинкт выживания. Она рухнула лицом вперед, наткнувшись грудью на тяжелую деревянную дверь главного дома, и её рука, скользя по косяку, бессильно застучала по дубовым доскам.

Коул

Он поднялся, собираясь пойти в спальню и лечь прямо в одежде под три шерстяных одеяла — ночью температура в доме гарантированно упадет до тридцати по Фаренгейту, и топить печь на полную мощность в пустом здании было просто глупо.

В этот момент дом содрогнулся от очередного, особенно сильного удара ветра. Где-то наверху, на чердаке, с сухим треском лопнула старая доска обшивки. А следом за этим звуком, перекрывая гул бурана, снизу донесся другой.

Стук.

Он был тихим, неровным и шел со стороны парадной двери. Не три четких, уверенных удара, как бьет шериф или Джейк, когда у него заняты руки. Это был глухой, скользкий звук, словно кто-то просто упал на деревянные доски веранды и теперь царапал их ногтями или замком куртки.

Коул застыл посреди кухни. Стакан в его руке медленно опустился на столешницу. Внутри все поджалось, как перед прыжком с седла на спину быка на родео. Он не стал брать ружье, которое всегда стояло у холодильника — койоты не стучат в двери, а люди в такую погоду приходят только тогда, когда у них не остается другого выбора между жизнью и смертью.

Он прошел через темный коридор к прихожей. Шаги его были бесшумными — он шел в одних толстых шерстяных носках.

Стук. Еще раз. Совсем слабый.

Коул рванул на себя тяжелую дубовую дверь.

Буран ворвался в прихожую мгновенно, ледяным зарядом снега и ветра сбив со стены старую куртку Джейка. Воздух в комнате в секунду закрутило белой спиралью.

На пороге, вцепившись обеими руками в косяк двери, стояла Эмбер.

Её серое пальто превратилось в сплошной ледяной панцирь — мокрый снег, налипший на сукно, замерз намертво, сделав ткань жесткой, как жесь. Оранжевый шарф был намотан вокруг головы до самых глаз, но даже сквозь шерсть было видно, как сильно её трясет. Это была не просто дрожь от холода — это были крупные, неконтролируемые судороги, от которых её зубы стучали с сухим, костяным звуком, отчетливо слышным даже сквозь рев ветра.

В левой руке, прижав к самому боку, она мертвой хваткой удерживала свой плоский кожаный кофр с рисунками. Чемодан остался где-то там, в темноте веранды или по дороге.

Она не сказала ничего. Да и не смогла бы — её губы посинели и покрылись мелкой белой коркой инея. Стоило Коулу открыть дверь, как остатки сил покинули её. Колени девчонки просто подогнулись, и она начала заваливаться вперед, прямо на грязный пол прихожей, увлекая за собой ледяной шлейф бурана.

Коул сделал один шаг, перехватывая её под мышки до того, как её лицо встретилось с досками пола. Она оказалась удивительно легкой — под этим жестким, обледеневшим пальто, казалось, вообще не было веса, только кости и эта упрямая, замерзающая жизнь. От неё больше не пахло ванилью. Теперь от неё пахло чистым льдом, гарью и сырым дымом — судя по всему, она всё-таки умудрилась залить печку или трубу забило снегом, выгнав весь угарный газ внутрь её маленькой комнаты.

Он с силой толкнул дверь назад, загоня засов на место. Буран остался снаружи, продолжая яростно биться в дубовые доски, словно злясь, что у него только что забрали его законную добычу.

В прихожей воцарилась относительная тишина, нарушаемая только тяжелым, хриплым дыханием Коула и сухим, частым перестуком зубов Эмбер. Она лежала на его руках, уткнувшись лицом в воротник его фланелевой рубашки, и её пальцы в тонких шерстяных перчатках

— совершенно бесполезных в Монтане — судорожно, до боли впились в его плечи. Она вцепилась в его рубашку. Будто отпустить было опаснее, чем оставаться на морозе.

Глава 6 Эмбер

Тепло возвращалось не как спасение, а как пытка.

Сначала исчез звук. Оглушительный, утробный рев бурана, который последние полчаса забивал уши и вибрировал в грудной клетке, резко отрезало тяжелым щелчком дверного засова. Вместо него навалилась густая, ватная тишина, сквозь которую пробивался лишь один ритм — глухой, частый стук её собственного сердца, отзывавшийся тупой болью в затылке.

Потом пришла тяжесть. Эмбер казалось, что её залили в форму из сырого бетона. Серое суконное пальто, намертво промерзшее насквозь во время её безумного перехода между домиками, превратилось в монолитный ледяной панцирь. Ткань не гнулась. Когда её плечи перехватили чьи-то огромные, жесткие руки, пальто с треском скользнуло по дверному косяку, словно кусок кровельного железа.

Её куда-то несли. Эмбер не видела лица Коула — её глаза были плотно залеплены обледевшими ресницами, а оранжевый шарф, сбившийся на сторону, закрывал половину обзора. Но она чувствовала запах. От него пахло старой кожей рабочей куртки, горьким табачным дымом и тем самым резким, железистым кофе, который он пил на кухне. Этот запах был единственным ориентиром в пространстве, где больше не существовало ни верха, ни низа.

— Держи сумку, — чужой голос прозвучал прямо над её ухом. Он не кричал, но в этом низком, хриплом басу была странная, почти пугающая вибрация. — Слышишь меня? Пальцы отпусти.

Эмбер попыталась покачать головой, но шея заклинила. Её левая рука, судорожно прижимавшая к боку кожаный кофр с рисунками, окоченела настолько, что пальцы казались чужими, вырезанными из сухого дерева. Она не могла ими управлять. Ей казалось, что если она сейчас разожмет хватку, кофр исчезнет, а вместе с ним исчезнет и то последнее, что удерживало её от падения в глухую, белую пустоту.

Кто-то аккуратно, но с непреклонной силой потянул ремень сумки вверх. Эмбер хрипнула, пытаясь удержать кофр, но её пальцы просто соскользнули по гладкой коже. Сумка исчезла. В ту же секунду её опустили на что-то мягкое и глубокое — судя по запаху старой шерсти и пыли, это был старый диван в гостиной главного дома.

— Не шевелись, — бросил Коул где-то в темноте. — Только хуже сделаешь.

Раздался резкий скрип половиц. Эмбер лежала на спине, чувствуя, как внутри её тела начинается страшный, неуправляемый процесс. Кровь, застоявшаяся на морозе, медленно тронулась по сосудам. Пальцы ног начали гореть так, словно их один за другим опускали в кипящее масло. Зубы застучали с такой силой, что у неё заболели челюсти. Это была не просто дрожь от холода — это были судороги, которые выгибали спину и заставляли мышцы бедер каменеть.

Рядом послышался металлический скрежет, а затем — тяжелый, ровный гул пламени. Коул открыл заслонку камина. Гостиную осветил неровный, колеблющийся оранжевый свет, пробившийся даже сквозь полузакрытые веки Эмбер.

Коул вернулся. Он опустился на колени прямо перед диваном. В полумраке его фигура казалась огромной, угловатой тенью. Эмбер почувствовала, как его большие, обветренные ладони легли на воротник её пальто. Он попытался нащупать верхнюю пуговицу, но сукно вокруг петель замерзло в сплошной ледяной ком. Пуговицы просто не шли.

— Черт бы тебя побрал с твоими городскими тряпками, — негромко, без злости, но с глухим раздражением выдохнул он.

Снова скрип половиц, короткий шаг в сторону прихожей. Эмбер услышала характерный, сухой щелчок — Коул достал из кармана свой складной нож с костяной ручкой, тот самый, которым он днем очищал копыта Шторма.

Она хотела сказать «нет», хотела крикнуть, что это пальто стоило половины её месячного гонорара в Сиэтле, что это была... её единственная приличная вещь для поездки сюда, но из горла вырвался лишь невнятный, хриплый стон.

Коул не слушал. Он перехватил лезвие ножа, поддел плотную ткань у самого горла и с коротким, резким звуком потянул руку вниз. Промерзшее сукно сопротивлялось, трещало, но сталь шла ровно, вспарывая слой за слоем — шерсть, подкладку, утеплитель. Коул резал аккуратно, ведя лезвие в двух дюймах от её шеи, но Эмбер видела, как близко от её подбородка поблескивает темный металл. В его движениях не было суеты — только холодная, хирургическая точность человека, который привык срезать запутавшиеся путы с попавших в беду жеребят.

Один рывок, второй — и ледяной панцирь пальто распался на две тяжелые, жесткие половины. Коул подсунил руки под её спину, приподнял Эмбер вместе с одеждой и резким движением сдернул разрезанное сукно с её плеч, сбросив его прямо на пол. На теплые половы с тяжелым стуком посыпались куски колотого льда и замерзшего наста.

Без пальто стало еще холоднее. На Эмбер остался только тонкий черный свитер, который мгновенно пропитался ледяной влагой от тающего на шее снега. Её затрясло с новой силой.

— Шарф снимай, — приказал Коул, убирая нож в карман. — Давай сама. Шевелись, Эмбер. Если не начнешь двигаться, пальцы потеряешь.

Она протянула левую руку к голове. Ткань простыни, которой она наспех перемотала ожог в домике, под тяжелой перчаткой размокла от сукровицы и намертво примерзла к шерсти оранжевого шарфа. Стоило Эмбер потянуть за конец, как руку прошила такая острая, режущая боль, что она вскрикнула, отдергивая ладонь.

Коул молча перехватил её запястье. Его пальцы, горячие и твердые, как нагретый на солнце гранит, сжались на её руке чуть выше повязки.

— Я сам. Не дергайся.

Он начал медленно, виток за витком, разматывать оранжевую шерсть. Его лицо находилось в нескольких дюймах от её лица — Эмбер видела мелкие морщины вокруг его глаз, глубокую складку у переносицы и то, как его нижняя челюсть ходит ходуном, перемалывая желваки. От него исходило плотное, почти осязаемое тепло, которое казалось Эмбер чужеродным и пугающим в этой промерзшей комнате.

Когда шарф наконец упал на диван, Коул потянул за край её перчатки. Правая рука поддалась легко, но когда он дошел до левой, обмотанной грязной простыней, он застыл. Ткань повязки полностью пропиталась дегтярной мазью, кровью и древесной золой из печи гостевого домика.

— Ты что там устроила? — Коул поднял на неё глаза. В его взгляде не было сочувствия — только тяжелое, давящее недоумение. — Что с печью?

— Заслонка... — Эмбер едва выговорила это слово. Язык казался огромным и неповоротливым, как кусок резины. — Дым... пошел внутрь. Я открыла дверь... и всё выдуло. Огонь погас.

Коул закрыл глаза на секунду, медленно выдохнул через нос, и Эмбер увидела, как на его шее натянулись толстые жилы.

— Инструкции для дураков на двери висели, — тихо сказал он. — На чистом английском языке написано: «Перед растопкой проверить тягу». Ты решила, что это элемент декора, Сиэтл?

Она не ответила. Ей было слишком больно и слишком стыдно, чтобы защищаться. Она просто отвернулась, глядя на то, как в камине трещат огромные березовые поленья, выбрасывая в темноту снопы искр.

Коул поднялся, ушел на кухню и вернулся через минуту, неся в руках большой эмалированный таз с теплой — не горячей, а именно едва теплой — водой и чистой сухой тканью.

Он снова сел перед ней на корточки, взял её левую руку и аккуратно опустил её в воду прямо вместе с присохшей повязкой.

Первые несколько секунд Эмбер ничего не чувствовала. Потом, когда вода размягчила корку из крови и мази, ткань начала медленно отделяться от кожи. Коул осторожно потянул за край простыни, освобождая лопнувший пузырь ожога на указательном пальце. Кожа вокруг раны была бледной, с синеватым отливом — явный признак начального обморожения.

— Тебе повезло, — сказал он, не поднимая головы. Он держал её руку так уверенно, словно уже решил за них обоих, что ничего страшного не случится.

— Еще полчаса на таком ветру, и этот палец тебе бы пришлось отрезать в больнице в Бозмене. Если бы мы вообще туда доехали по такой дороге.

— Я бы... дошла, — упрямо прошептала она, хотя её тело продолжало мелко дрожать под шерстяным пледом, который он набросил ей на плечи.

Коул резко остановил руку. Вода в тазу тихо плеснула о край. Он поднял голову, и Эмбер встретила с его взглядом — прямым, тяжелым, лишенным каких-либо иллюзий.

— Ты бы не дошла, Эмбер, — отдельно, с ледяной уверенностью произнес он. — Через двадцать шагов ты бы потеряла ориентир. В этом буране люди замерзают в десяти ярдах от собственного крыльца. Ты бы просто легла в сугроб под тополями, и я нашел бы тебя только завтра утром, когда пошел бы чистить колею трактором. Так что засунь свою гордость туда же, откуда ты привезла эти свои блокноты. Здесь она тебе не поможет.

Эмбер сжала губы до белизны. На глаза навернулись слезы — не от боли в руке, а от этой его абсолютной, безжалостной правоты, которая ломала её изнутри. Ей хотелось ударить его этой самой покалеченной рукой, хотелось закричать, что он ничего о ней не знает, но силы ушли окончательно. Она просто смотрела на его широкие плечи, обтянутые фланелью, и чувствовала себя бесконечно маленькой и беззащитной перед этой огромной, равнодушной землей, частью которой был сам Коул.

Коул

Он закончил перевязку ближе к девяти вечера. Левая ладонь Эмбер теперь была чисто вымыта, обработана свежей порцией антисептика и туго замотана стерильным белым бинтом из аптечки Джейка. Девчонка больше не спорила. Она сидела на диване, глубоко забившись в угол, завернутая в два тяжелых шерстяных одеяла, и смотрела на огонь в камине неподвижным, стеклянным взглядом.

Дрожь почти ушла, но её лицо всё еще оставалось бледным, а под глазами залегли глубокие, темные тени.

Коул унес таз на кухню, вылил грязную воду в раковину и долго мыл руки с мылом под струей ледяной воды из крана. На его ладонях до сих пор оставался едва уловимый запах её дегтярной мази и какого-то тонкого, едва заметного парфюма — кондиционера для волос или крема, который она привезла с собой. Этот запах совершенно не подходил к его кухне, где обычно пахло только мазутом, старой кожей и сырым деревом.

Он налил в две кружки горячий мясной бульон — Грейс оставила целую кастрюлю в холодильнике перед отъездом на нижнюю ферму. Вернулся в гостиную, поставил одну кружку на низкий столик перед Эмбер, а со второй сел напротив, в свое старое кресло с потертыми кожаными подлокотниками.

— Пей, — коротко кивнул он на стол. — Горячее надо. Внутри согреешься.

Эмбер шевельнулась под одеялами. Медленно, словно боясь расплескать, она протянула правую — здоровую — руку, обхватила пальцами тяжелую керамическую кружку и поднесла её к губам. Сделала маленький глоток, зажмурилась на секунду, а потом сделала еще один, более долгий. На её щеках наконец проступил слабый, едва заметный румянец.

В гостиной было тихо. Буря снаружи продолжал выть, но здесь, у камина, этот звук казался далеким, словно происходил на другой планете. Оранжевые блики пламени прыгали по бревенчатым стенам, освещая старые фотографии в деревянных рамках на полке: его дед на фоне первого трактора, отец на родео в Майлз-Сити в семьдесят четвертом, и маленькая Роуз, сидящая на загривке старого вороного мерина.

Эмбер опустила кружку на колени, продолжая удерживать её одной рукой.

— Твой брат... Джейк, — её голос всё еще звучал немного сипло, но уже ровно. — Он сказал, что ты не любишь чужаков на ранчо.

Коул сделал глоток из своей кружки, не торопясь с ответом. Он смотрел на огонь, переводя взгляд с одного полена на другое.

— Джейк много чего говорит, — ответил он после долгой паузы. — Дело не в чужаках, Эмбер. Дело в том, что люди из города думают, будто Монтана — это картинка из журнала про путешествия. Красивые горы, лошадки, чистый воздух. Они приезжают сюда со своими блокнотиками, платят деньги, а потом ломаются на первой же зимней неделе, потому что выясняется, что здесь нужно работать по четырнадцать часов в сутки просто для того, чтобы у тебя в доме была вода и не перемерзли трубы.

Он повернул голову и посмотрел на неё.

— Ты приехала сюда, потому что твой Марк сказал, что ты не справишься. Так?

Эмбер вздрогнула. Её пальцы сильнее сжались на кружке, и Коул заметил, как побелели её костяшки. Она не ожидала, что он запомнил то, что она бормотала там, в бреду на пороге, или что он вообще способен анализировать чужие разговоры.

— Откуда ты... — она осеклась.

— Ты сама это сказала, когда я тебя в дом затаскивал, — Коул поставил свою кружку на столик. Звук получился резким, сухим. — Ты кричала на него в темноте. Называла ублюдком. Думала, что он стоит за твоей спиной.

Эмбер отвела взгляд. Её плечи под одеялом заметно опустились, словно из неё выдернули тот самый невидимый стержень, который заставлял её идти сквозь буран.

— Он считает, что я ни на что не способна без его денег и его связей, — тихо, почти беззвучно произнесла она, глядя на тлеющие угли. — Что моя графика — это просто хобби. Каприз. Что я вернусь через две недели, потому что в глуши нет нормального кофе и предсказуемости.

Коул молчал. Он вытянул длинные ноги вперед, ближе к теплу камина, и положил руки на подлокотники кресла. Её слова не вызывали у него удивления. Он видел сотни таких историй в Бозмене и Билингсе — городские пары, которые приезжали «найти себя», а потом со скандалом делили имущество на заправках, не выдерживая пустоты этого штата.

— И ты решила доказать ему обратное? — спросил он. — Приехала на ранчо в начале зимы, чтобы нарисовать лошадок и показать, какая ты сильная?

В её глазах снова вспыхнул тот самый яростный, волчий огонек, который он заметил еще днем у загона. Она резко повернула голову к нему.

— Я приехала сюда работать, Коул! — её голос сорвался на высокой ноте. — Не доказывать ничего ему. А делать то, что я умею. Я три года рисовала логотипы для брендов одежды и макеты для кофейных сетей, пока он объяснял мне, что я никто. Мне нужен этот проект. Нужна эта книга. И мне плевать, сколько здесь градусов ниже нуля и сколько гвоздей уходит на твой чертов забор. Я не уеду.

Коул смотрел на неё долго, не мигая. Её злость была настоящей — не той театральной истерикой, к которой он привык в городе, а глухой, тяжелой обидой человека, которого долго и методично ломали. Такую же злость он видел у молодых жеребцов, которых впервые зажимали в расколе перед клеймением. Они бились о железные трубы до крови, не понимая, что от них хотят, просто защищая свое право быть собой.

Он медленно поднялся с кресла. Его колени коротко хрустнули в тишине гостиной.

— Завтра суббота, — сказал он, глядя на неё сверху вниз. — Дороги занесет окончательно, так что Джимми твой «Форд» до понедельника точно не починит. Будешь жить здесь, в большой комнате наверху. Там теплее, печь от кухни греет стену.

Эмбер посмотрела на него снизу вверх, её взгляд был настороженным, почти враждебным.

— А как же гостевой домик?

— Гостевой домик надо выветривать от твоей гари два дня, — Коул подошел к камину, взял тяжелую железную кочергу и с силой поворошил угли, разбивая прогоревшие поленья на мелкую, светящуюся крошку. — И заслонку я там сам проверю. Чтобы ты больше не пыталась покончить с собой на моей территории. У меня и так работы выше крыши.

Он повернулся и пошел к лестнице, ведущей на второй этаж, но у самой первой ступени остановился. Обернулся через плечо. Эмбер всё так же сидела на диване, сжимая кружку с остатками бульона, похожая на маленького оранжевого зверька, забившегося в нору.

— Кофр твой на столе в прихожей лежит, — бросил он. — Рисунки сухие. Я проверил. Ложись спать, Сиэтл. Завтра вставать в шесть. Раз уж ты приехала работать — будешь помогать Джейку чистить левады. Посмотрим, на сколько тебя хватит.

Он повернулся и тяжело зашагал вверх по деревянным ступеням, оставляя её одну внизу, перед угасающим камином, под бесконечный, мерный вой монтанского бурана за стенами.

Глава 7 Эмбер

Сон не принес облегчения — он просто раздробил предыдущий день на тяжелые, липкие обрывки кошмаров, в которых она снова бежала сквозь белую стену, а под ногами ломался гнилой лед.

Эмбер проснулась от звука, который не имел отношения к утихшему бурану. Это был глухой, металлический стук снизу: тяжелый хлопок чугунной дверцы кухонной плиты, глухой скрежет задвижки и затем — ровный, гудящий рокот пламени, уходящего в дымоход. Стены старого дома едва заметно вибрировали от этого тепла.

Наручные часы, оставленные на деревянной тумбочке, показывали 5:18 утра.

Комната на втором этаже, которую Коул выделил ей накануне, была погружена в серые, предрассветные сумерки. Окно почти до половины забило плотным, зернистым настом, и сквозь мутное стекло мир казался плоским, выцветшим и полностью замерзшим. В комнате было прохладно — воздух пах сухой сосновой хвоей, старой олифой и едва уловимым дымком.

Эмбер попыталась пошевелиться, и из горла вырвался тихий стон. Каждая мышца её тела, от шеи до икр, превратилась в натянутую, болезненную струну. Судороги, бившие её вчера у камина, не прошли бесследно: спина онемела, а плечи ломило так, словно всю ночь на них лежал мешок солью. Но хуже всего была левая рука. Ожог на ладони, стянутый тугой повязкой, пульсировал в такт ударам сердца — горячая, дергающая боль доходила до самого локтя.

Она спустила ноги с высокой кровати. Половицы обожгли босые ступни ледяным холодом. Судорожно вздохнув, Эмбер натянула вчерашние джинсы, которые Коул великодушно бросил сушиться у камина (они всё ещё сохраняли едва заметный запах березового дегтя), и принялась за свитер.

Одеваться одной рукой было унизительно медленно. Белый бинт цеплялся за петли крупной вязки, пальцы правой руки не слушались, а покалеченная ладонь при каждом неосторожном движении взрывалась волной резкой боли. Ей потребовалось почти десять минут просто для того, чтобы натянуть шерстяной воротник через голову и зашнуровать старые рабочие ботинки. Кофр с рисунками стоял в углу у двери — плотный, кожаный, запертый на два латунных замка. Эмбер задержала на нем взгляд, сжала зубы и вышла в коридор.

На лестнице пахло крепким, пережаренным кофе и жареным беконом. Этот жирный, тяжелый запах показался Эмбер почти осязаемым физическим препятствием. На секунду ей захотелось повернуться, уйти обратно в комнату и запереть дверь, но воспоминание о вчерашнем взгляде Коула — холодном, оценивающем, не оставляющем пространства для слабости — заставило её сделать шаг вниз.

На кухне горела одна-единственная лампа под жестяным абажуром, подвешенная над массивным дубовым столом.

Джейк сидел на стуле, лениво ковыряя вилкой в тарелке с яичницей. Его лицо, обычно подвижное и веселое, сейчас казалось серым от недосыпа, а под глазами лежали плотные тени. При появлении Эмбер он поднял голову и слабо улыбнулся, хотя улыбка вышла вымученной.

— Доброе утро, Сизл. Живая? — он кивнул на кофейник, стоявший на краю плиты. — Наливай сама, у Коула сегодня режим «не подходи — убьет».

Самого Коула на кухне не было, но его присутствие ощущалось во всем: на полу у двери темнели свежие мокрые следы от тяжелых сапог, а на спинке стула висела его промасленная куртка, от которой шел пар.

— Где он? — Эмбер подошла к плите, осторожно взяла прихваткой горячую ручку кофейника правой рукой. Металл был тяжелым, ладонь мелко задрожала, но она не позволила себе пролить ни капли.

— В мастерской. С четырех утра возится с генератором на тракторе, — Джейк откинулся на спинку стула и потянулся, так что захрустели суставы. — Буран забил снегом радиатор, и если мы сейчас не расчистим выезд к левадам, лошади останутся без сена до полудня. А Коул терпеть не может, когда скотина ждет.

Эмбер села напротив Джейка, прижимая здоровую ладонь к теплой кружке с черным, горьким кофе. Напиток был отвратительным на вкус — слишком крепким, вяжущим язык, без малейшего намека на сахар или сливки, но он мгновенно ударил по рецепторам, заставляя туман в голове немного рассеяться.

— Он сказал, я должна помогать тебе, — произнесла она, глядя в свою кружку. — С левадами.

Джейк подавился яичницей, кашлянул и посмотрел на её забинтованную левую руку с откровенным сомнением.

— Seriously? Он так и сказал? — парень покачал head. — Ну, Коул умеет мотивировать персонал. Слушай, Эмбер, тебе лучше посидеть здесь. С одной рабочей рукой на левадах делать нечего. Там наст — как стекло. Лопату не удержишь, а если жеребец дернет корду, ты просто останешься без пальцев.

— Я пойду, — Эмбер подняла на него глаза. В её голосе прозвучало то самое упрямство, которое вчера заставило её резать сукно собственного пальто. — Если твой брат думает, что я сломаюсь после первой ночевки, он ошибается. Мне нужны эти зарисовки. Мне нужно видеть, как ранчо работает зимой, а не из окна кухни смотреть.

Джейк вздохнул, понимая, что спорить бесполезно. Он допил кофе одним глотком, со стуком поставил кружку в раковину и поднялся.

— Ладно. Твое дело. Но если Коул увидит, что ты роняешь тачку с навозом в сугроб, я тебя защищать не буду. Оденься потеплее. Моя старая куртка висит в прихожей — она великовата, но зато непродуваемая.

Коул

Воздух на улице не просто обжигал — он проникал в легкие мелкими, острыми иглами. Буран ушел на восток, оставив после себя пронзительное, почти прозрачное небо цвета колодезного льда и бескрайние, мертвые белые холмы, которые под первыми лучами солнца отливали холодным синеватым гляncем. Снег лежал ровными, тяжелыми барханами, перекрывая заборы и доходя местами до середины оконных рам хозяйственных построек.

Коул стоял у открытого капота трактора John Deere, глубоко запустив руки в сплетение проводов и гидравлических шлангов. Его пальцы без перчаток, покрытые слоем черной смазки и въевшейся грязи, двигались быстро, несмотря на мороз. Металл лип к коже, но он давно перестал обращать на это внимание.

Раздался тяжелый, прерывистый чих стартера, двигатель трактора вздрогнул, выбросил вверх густое облако черного, вонючего дыма и наконец заработал — ровно, утробно, заставив вибрировать промерзшую землю под ногами.

Коул захлопнул тяжелый зеленый капот, закрепил резиновые защелки и только тогда обернулся.

Со стороны главного дома, пробивая узкую тропинку в насте, шли двое. Джейк шагал размашисто, привычно переставляя ноги в высоких резиновых сапогах, с широкой снеговой лопатой на плече. За ним, то и дело проваливаясь по колено в плотный снег, едва поспевала Эмбер.

На ней была старая, выцветшая брезентовая куртка Джейка, которая висела на её узких плечах, как мешок, а подол волочился по насту. Из-под огромного капюшона торчал только кончик носа, покрасневший от холода, и упрямо сжатые губы. Левую руку, замотанную белым коконом бинта, она держала прижатой к груди, пряча под отворот куртки.

Коул вытер руки об обрывок старой ветоши, внимательно наблюдая за каждым её шагом. Она шла медленно, балансируя правой рукой, но ни разу не остановилась и не попросила Джейка подождать. Один раз её нога соскользнула на скрытом под снегом куске льда у водопойной заводи, она покачнулась, едва не упав лицом в сугроб, но удержалась, сделав резкий, рваный шаг в сторону. Коул заметил, как при этом движении её лицо перекосилось от боли — повязка на руке явно натянулась.

Он не двинулся с места, чтобы помочь.

— Коул! — крикнул Джейк, подходя ближе. Голос парня глухо тонул в морозном воздухе. — Трактор готов? Надо расчистить проход к дальним загонам, там забор завалило настом, кобылы волнуются.

— Трактор готов, — Коул перевел тяжелый взгляд с брата на девушку. — Джейк, бери вилы и иди к маточнику. Надо перекидать свежую солому в кормушки. Снег сухой, до полудня надо успеть, пока корка не схватилась.

— А она? — Джейк мотнул головой в сторону Эмбер.

— Сизтл будет чистить малую леваду. Там нанос у ворот. Лопата в сарае.

Джейк открыл было рот, чтобы что-то сказать — явно собираясь напомнить про покалеченную руку Эмбер и то, что лопата весит добрых десять фунтов, — но Коул посмотрел на него так, что парень лишь коротко сплюнул в снег, перехватил свои вилы и пошагал в сторону длинного бревенчатого строения конюшни.

Эмбер осталась стоять у трактора. Из-под капюшона на Коула смотрели огромные, серые глаза, в которых сейчас не было ничего, кроме глухого, замерзшего вызова.

— Лопата в сарае, — повторил он, не меняя тона. — Сарай за твоей спиной. Ворота левады должны открываться свободно. Если кобыла зацепит крупом незакрепленную створку

из-за сугроба, она разнесет петли. Работаешь правой рукой. Левую держи под курткой, если не хочешь, чтобы швы разошлись.

— Я знаю, что делать, — процедила она сквозь зубы. Её голос дрожал от холода, но в нем была странная, сухая злость.

— Посмотрим, — ответил Коул.

Он развернулся, легко вскочил на высокую железную подножку трактора и полез в кабину. Дверь захлопнулась с тяжелым, глухим стуком, отрезая его от нее. Через секунду трактор тронулся с места, сминая тяжелыми гусеничными цепями девственный белый наст, оставляя за собой две глубокие, грязные колеи, пахнущие солярой.

Эмбер

Лопата оказалась деревянной, со старой, щербатой стальной кромкой. Она была тяжелой даже для двух здоровых рук, а для одной правой — почти неподъемной.

Когда Эмбер вышла к малой леваде, у нее на секунду опустились руки. Сугроб у ворот был высотой почти до её груди. Снег, спрессованный вчерашним ураганным ветром, превратился в плотную, монолитную массу, напоминающую гипсовую стену. Его нельзя было просто подцепить и отбросить — его приходилось с силой вырубать, вонзая стальную кромку лопаты сверху вниз, а затем всем телом наваливаться на деревянный черенок, чтобы приподнять тяжелый ком.

Уже через пять минут её правое плечо начало гореть от напряжения. Каждый раз, когда она пыталась приподнять лопату, левая рука инстинктивно дергалась, пытаясь помочь, и обгоревшие пальцы отзывались такой острой, сверлящей болью, что у Эмбер темнело в глазах. Она прижимала покалеченную ладонь к боку, притискивая её локтем к ребрам, и продолжала копать.

Снег летел в стороны серыми, тяжелыми кусками.

Ворота левады были сделаны из толстых сосновых брусьев, почерневших от времени и сырости. За ними, переступая с ноги на ногу в глубоком снегу, стояли три кобылы. Одна из них — старая гнедая с широкой белой проточиной на морде — подошла к самому краю забора, вытянула шею и шумно, с присвистом выдохнула горячий воздух прямо в лицо Эмбер. От дыхания лошади пахло сухой травой и теплом. Лошадь смотрела на нее умными, большими глазами, в которых отражалось бесконечное белое небо Монтаны, и это было первое живое существо на этом ранчо, которое не смотрело на Эмбер с осуждением или жалостью.

— Ну чего ты? — тихо, одними губами сказала Эмбер, останавливаясь на секунду и опираясь на черенок лопаты. — Ждешь? Сейчас... сейчас откопаю.

Она снова вонзила лопату в наст. Рука дрожала от усталости, пот заливал глаза под огромным капюшоном, несмотря на то, что мороз на улице крепчал. Брезентовая куртка Джейка, слишком большая для нее, постоянно сползала с плеч, мешая двигаться, а жесткий воротник натер подбородок до крови.

Коул проехал мимо нее на тракторе трижды. Он возил огромные тюки сена, зажатые в переднем гидравлическом захвате, к дальним кормушкам. Трактор проходил всего в десяти ярдах от левады, обдавая Эмбер волной горячего воздуха и запахом сгоревшего топлива. Коул ни разу не повернул головы в её сторону. Он смотрел исключительно вперед, туда, где тяжелый клиновидный нож трактора пробивал дорогу сквозь очередную снежную дюну.

Эмбер казалось, что он делает это нарочно. Что вся эта сцена — трактор, лопата, неподъемный сугроб — это срежиссированный им спектакль, финал которого должен быть одним и тем же: она бросит лопату в снег, упадет на колени и скажет, что больше не может. Что Марк был прав. Что её место в Сиэтле, в чистой студии, за стеклянным столом с чашкой латте.

«Хрен тебе», — подумала она, чувствуя, как внутри, где-то под ребрами, закипает глухая, черная ярость. Это была не та обида, от которой хочется плакать. Это была холодная, расчетливая злость, которая заставляла её мышцы работать вопреки боли.

Она вонзила лопату в очередной ком намертво замерзшего снега. Ручка хрустнула. Эмбер навалилась бедром на черенок, выворачивая кусок льда весом фунтов в двадцать, и с коротким, яростным выдохом швырнула его через плечо.

Коул

Он заглушил двигатель трактора у конюшни только к двум часам дня, когда солнце начало медленно клониться к вершинам дальних хребтов, окрашивая снег в грязновато-розовый цвет.

Джейк уже закончил с маточником и теперь сидел на перевернутом ведре в проходе конюшни, протирая промасленной тряпкой уздечки. При виде брата он поднял голову.

— Она всё еще там, — негромко сказал Джейк, кивнув в сторону малой левады. — Три часа копает. Одной рукой. Я пытался забрать у нее лопату час назад — она чуть мне этой лопатой по голове не съездила. Злая, как гремучая змея.

Коул ничего не ответил. Он молча прошел мимо брата, вышел из конюшни и зашагал к левадам. Его шаги были тяжелыми, глубокими, наст с хрустом ломался под подошвами сапог.

Эмбер почти закончила.

Перед воротами левады теперь темнел чистый, ровный прямоугольник земли, очищенный до самых половиц основания. Сугроб был аккуратно отброшен к забору, формируя ровную, ровную стенку. Сама девчонка стояла, прислонившись спиной к сосновому столбу, тяжело и прерывисто дыша. Капюшон куртки свалился назад, её короткие темные волосы были мокрыми от пота и обледенели на кончиках, превратившись в мелкие прозрачные сосульки.

Правая рука, которой она держала черенок лопаты, заметно дрожала. Левая всё так же была прижата к боку под курткой.

Коул подошел ближе, остановился в трех шагах от нее и посмотрел на очищенное пространство. Ворота левады теперь могли открываться настезь — петли были полностью свободны от льда.

— Неровно, — сказал он, указав носком сапога на небольшой бугор замерзшего наста у самого основания столба. — Кобыла может поскользнуться, если пойдет на скорости.

Эмбер медленно подняла голову. Её лицо было бледным, осунувшимся, губы потрескались от мороза, но в глазах горело такое бешеное, нерастраченное упрямство, что Коул на секунду застыл. Она не стала спорить. Она просто перехватила лопату поудобнее правой рукой, сделала шаг вперед и с силой ударила стальной кромкой по указанному бугру, скалывая его до самого основания.

— Так лучше? — хрипло, сорванным голосом спросила она, глядя ему прямо в переносицу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.